

ИСЧЕЗНУВШИЕ ВЕРОВАНИЯ И ПОЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ (КОЖЕВЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В РИТУАЛАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ)

Одним из направлений интерпретации археологических следов древних ремесел¹ является семантическое. Оно, на наш взгляд, включает следующие аспекты:

1. Реконструкция обрядов и верований, связанных с конкретными производственными процессами;

2. Реконструкция знаковой нагрузки орудий, использовавшихся в ремесленном производстве, в частности, изучение их роли в верованиях и социальной сфере вне производственных процессов;

3. Реконструкция семантики действий, совершавшихся данными орудиями как в процессе производства, так и вне его.

Исследования в этом направлении уже предпринимались некоторыми авторами. Не углубляясь в историографию, приведем лишь отдельные примеры. М.А. Изотова использовала археологические материалы срубного поселения Макаровская Речка для изучения верований, связанных с металлургией и кузнечным делом (Изотова 2000). Е.Н. Черных и Е.Ю. Лебедева при интерпретации материалов срубного поселения Горный-1 пытались

¹ В данном случае мы понимаем термин «ремесло» в его широком смысле как изготовление каких-то изделий в пищевой сфере производства, т.е., мы не разделяем собственно ремесло (изготовление товара на продажу) и т.н. «домашние промыслы», продукция которых предназначалась для употребления самим мастером и его близкими, тем более, что в археологии бронзового века все еще не решен вопрос о том, какие производства достигли уровня собственно ремесла, а какие – нет.

реконструировать «способы магических заклинаний рудознатцев бронзового века» (Черных 1997: 38–41; Черных, Лебедева 2002а: 82) и «ритуально-магические действия», «предвосхищавшие» выплавку металла из руды (Черных, Лебедева 2002а: 85–86; 2002б: 104). Опираясь на материалы поселения Горный-1 как на аналогию, следы сложной ритуальной практики, связанной с добычей руды и плавкой из нее металла, фиксируют Г.И. Матвеева, Ю.И. Колев и А.И. Королев на позднебронзовом горно-металлургическом комплексе Михайло-Овсянка (Матвеева и др. 2004: 76–77). В работе Ж. Курманкулова, А.С. Ермолаевой и Ж.С. Калиевой прослеживались следы «древней магии», связанной с металлургическим производством и заострялось внимание на жертвоприношениях животных, совершавшихся, по мнению авторов, перед началом очередного цикла металлургических работ (Курманкулов и др. 2007: 98). С.И. Татаринов и С.В. Федяев предположили, что, вследствие существования страха перед «огненной профессией», носители срубной культуры разбивали отслужившие свое литейные формы (Татаринов, Федяев 1999: 16). В.С. Бочкарев допустил, что «клады» литейных форм эпохи поздней бронзы могут являться следствием сокрытия данных предметов с сакральной целью (Бочкарев 2006: 63). Д.А. Хоркин, публикуя информацию о срубном поселении Усть-Курдюм, отметил, что «в мастерской... бронзолитейщиков функционировал алтарь-жертвенник» (Хоркин 1998: 80).

Ю.М. Бровендер, В.В. Отрощенко и А.Д. Пряхин выделяли на срубных памятниках объекты, связанные с «производственными культурами» «горняков-металлургов» (Бровендер та ін. 2010: 90, 92). В статье Ю.М. Бровендера и О.Н. Загородней мы можем найти размышления о «жертвенных камнях» и «культе жертвоприношений», связанных с металлургическим производством срубной культуры (Бровендер, Загородняя 2010: 30).

В ряде аналитических работ затрагивалась семантика орудий других ремесел. Например, Л.А. Дрябина и С.Н. Скочина рассматривали культовое применение инструментов для обработки кожи и дерева в святилище эпохи энеолита Великены-2 (Дрябина, Скочина 2003: 199–200). Изучалось ритуальное использование носителями срубной культуры орудий ткачества (Цимиданов 1995: 35–38), веретен (Полидович, Полидович 1999; Цимиданов 1999), прослеживалась связь шильев и игл из срубных погребений с половозрастными и социальными группами (Подобед, Цимиданов 2010: 98–109), обосновывалась гипотеза, согласно которой орудия прядения, ткачества и шитья выступали в захоронениях срубной культуры маркерами социальной роли мастера (Цимиданов 2004: 81–88). Привлекала внимание исследователей и семантика изображений на костяных орудиях гончарства поселений срубного времени (Усачук, Полидович 2006: 257–263).

Одним из ремесел, которое в бронзовом веке, судя по археологическим материалам, имело довольно большие масштабы, было кожевенное. Изучению данного производства на материалах степных и лесостепных культур эпохи бронзы посвящено немало обобщающих исследований, но при этом

основное внимание привлекали вопросы, связанные с технологией (см.: Килейников 1985; 1988; 1999; 2001; 2002; 2009; Ляшко 1994; Усачук 1997; 2000; др. работы). Обрядовая сторона кожевенного производства и семантика связанных с ним орудий почти не привлекали внимания. В предлагаемой статье мы попытаемся несколько восполнить этот пробел.

Прежде следует уточнить, что под кожевенным производством для эпохи бронзы мы понимаем превращение сырых шкур в обработанную кожу и последующее изготовление из этой кожи каких-либо изделий. В более поздние эпохи во многих обществах эти два процесса нередко были разделены (выполнялись разными мастерами). Применительно к бронзовому веку допускать отмеченное пока нет оснований — слишком мала база источников, чтобы пытаться выявить какую-то узкую специализацию в кожевенном производстве² (разве что изготовление колесничной упряжи, вероятно, уже обособилось (Усачук 2009: 503)). Переходя к осмыслению конкретных археологических материалов, отметим, что в предлагаемой работе будут рассматриваться орудия, связанные с первичной обработкой кож, но — не с шитьем кожаных изделий.

Занимаясь семантической интерпретацией следов древних ремесел, исследователи обращаются к этнографическим и фольклорным данным, зафиксировавшим представления, связанные с рассматриваемыми производствами. Увы, в случае с кожевенным ремеслом соответствующие этнографические и

² Показательно, например, что даже в древнем Вавилоне сапожники сами дубили кожи (Клинггель-Брандт 1979: 117). В Древней Руси выделка кож и изготовление из них чего-либо также смешиваются (Журбатов 2004: 12–13).

фольклорные параллели практически отсутствуют. Во всяком случае, нам не удалось найти никаких этнографических фактов ритуального использования кожаных орудий в других сферах жизни. Да и самим кожевникам как представителям профессионального мастерства, можно сказать, «не повезло». В мифах, сказках и других фольклорных текстах многих народов часто фигурируют кузнецы, плотники, гончары, пряжи, портные, ювелиры и представители некоторых других профессий. Ситуация с мастерами-кожевниками — иная. Нам известно лишь два фольклорных персонажа, представляющих данную профессию, и оба — в фольклоре восточных славян. Первый — Кирило (Кирилл) Кожемяка (другой вариант имени — Никита Кожемяка) (Зеленин 1991: 215; Азбелев 1992: 16), который убил змея и спас дочь князя (Сумцов 1904: 694; Легенды... 1985: 167–168). Второй — юноша-кожемяка из древнерусской летописи, одолевший в поединке печенежского богатыря³ (Сумцов 1904: 694; Шахматов 1940: 33; Народная проза 1992: 46–47; Курбатов 2004: 13)⁴. И это все, что нам удалось найти. Таким образом, целый блок религиозно-мифологических представлений, которые, как мы увидим ниже, в эпоху бронзы были распространены на обширной территории, оказался почти полностью забытым. Отсюда единственными источниками, которые могут дать информацию для нашего исследования, являются археологические

³ Очевидно, его образ навеян кожемякой-змеборцем.

⁴ Стоит отметить, что на связь этих двух персонажей и восхождение их к одному и тому же древнему мотиву исследователи обратили внимание уже давно (Сумцов 1904: 694).

комплексы (погребальные и поселенческие), содержавшие орудия кожаного производства.

Нелишне оговорить критерии отбора источников. В литературе порой фигурируют погребальные комплексы, трактуемые как захоронения кожевников (см., например: Константинову 1987: 44; Березанська, Ляшко 1989: 23–24; Марина 1995: 64–67; Войнаровский 2007: 451, 453). При этом, однако, авторы выделяют данные захоронения, не опираясь на трасологические анализы, или не уточняя в публикациях, делались ли такие анализы. То же имеет место при интерпретации находок с поселений, когда некоторые из артефактов, не обработанные трасологически, причисляются к орудиям для обработки кожи (см., например: Кривцова-Гракова 1951: 166; Радзиевская 1975: 343; Хлобыстин 1976: 34; Татаринцев 1988: 340; Березанская 1990: 47–50). На наш взгляд, такой подход таит в себе опасность увидеть кожаные орудия там, где их на самом деле могло и не быть. Скажем, костяные «коньки», «струги», «лощила» и некоторые другие изделия, нередко трактуемые как орудия кожаного производства, являются таковыми не всегда (ср. Петерс 1986: 43, 44, 46; Усачук 1996а: 24; Килейников 1997: 104; Панковский 2006: 75; 2007: 237; Панковский 2005: 189–190, 191). Поэтому мы старались отбирать комплексы для анализа максимально жестко (ср.: Подобед и др. 2011). Учитывались лишь артефакты, обработанные трасологически, либо, во всяком случае, брались в расчет орудия, которые использовались лишь в кожаном производстве и ни в каких иных (например, тупики из тазовых костей животных и в чуть меньшей сте-

пени – челюстей крупных копытных⁵).

Известные нам комплексы с коженными инструментами мы раз-

били на ряд блоков в зависимости от того, какое орудие (орудия) в них присутствовали. Рассмотрим эти блоки.

⁵Даже тупики, привлекаемые в данной работе, мы старались отбирать, учитывая тот факт, что и орудия из нижних челюстей крупных копытных могли в некоторых случаях использоваться не для коженного дела, а, например, как орудия сенокосения (Троицкая, Бородовский 1994: 51). Однако, как утверждают Т.Н. Троицкая и А.П. Бородовский после проведения экспериментов с репликами серпов из нижних челюстей крупного рогатого скота (далее – КРС), «зубы в ветвях нижних челюстей при косении являлись главным рабочим краем ...» (1994: 52). Таким образом, основным отличием тупиков из нижних челюстей КРС от серпов из этого сырья можно считать отсутствие зубов (Килейников 1989: 122; 2009: 102; Усачук 1997: 130–131). Отметим, что на поселениях восточноевропейской лесостепи-степи в единичных случаях встречаются орудия из челюстей КРС с оставленными зубами. К подобным редким находкам при работе с коллекциями всегда было повышенное внимание. Трасологическая обработка нескольких сот орудий из нижних челюстей крупных копытных показала, что все подобные изделия использовались в коженном деле, даже те немногие, у которых оставались зубы. Таким образом, можно считать, что подавляющая масса орудий из нижних челюстей крупных копытных (в основном, КРС) является тупиками. Поднимая вопросы, связанные с тупиками, мы сталкиваемся не только с очередным примером важности трасологического анализа, но также и с тем, что назрела необходимость обобщающей работы, посвященной своеобразным изделиями из нижних челюстей крупных копытных.

I. КОМПЛЕКСЫ С ТУПИКАМИ

I-a-1. Комплексы с тупиками из челюстей животных.

Погребения и погребальные сооружения.

В погребении раннего этапа *лолинской культуры*, из Элисты, 6/4, Калмыкия, Россия, у стоп умершего мужчины находился тупик из нижней челюсти КРС. На тупике лежали два каменных орудия — одно неправильно-четырёхугольной формы, а другое удлиненное («в виде точила или узкого долота»; длина — около 7 см, ширина — около 2,5 см). В захоронении были также сосуд и кости животных (ниже — КЖ) (Рыков 1936: 64) (см. Табл. 1).

В кургане 1, раскопанном близ с. Лукашево, Запорожская обл., Украина, в насыпи был обнаружен фрагмент челюсти лошади, «возможно, использовавшийся как лошцило» (Антонов 2010: 59, 61). Судя по рисунку, мы имеем дело с фрагментом тупика. В данном кургане

исследованы захоронения ямного, катакомбного и срубного времени. Поскольку ни ямные, ни катакомбные комплексы, в отличие от срубных, не демонстрируют присутствия тупиков из челюстей животных, правомерно допущение, что попадание рассматриваемого изделия в насыпь кургана связано с культовыми манипуляциями срубного населения.

В насыпи кургана 1, исследованного близ хутора Веселый, Ростовская обл., Россия, были найдены фрагменты двух тупиков из левых половин нижних челюстей КРС. Курган содержал погребения эпохи средней и поздней бронзы (Гольмстен 1941: 202). Трасологический анализ тупиков, произведенный А.Н. Усачуком, показал, что по технологии изготовления и следам использования они являются типичными для памятников *срубной культуры*.

ТАБЛИЦА 1. АРТЕФАКТЫ, КОРРЕЛИРУЮЩИЕСЯ С ОРУДИЯМИ КОЖЕВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ.

№	Комплекс	Орудия	Предметы, встреченные с ними	Примечания
Усатовская культура				
1	Пуркары, 3/1 (Молдова)	Лошито из камня	Бронзовое шило	Взрослый
Ямная культура				
2	Красное, 9/19 (Молдова)	Скребок из кремня	Кремневый отщеп, каменный растиральник-отбойник	М
3	Павловск, 31/5 (Воронежская обл.)	Скребок из кремня	Сосуд, бронзовые нож и шило, кремневые и кварцитовые изделия (16), в т.ч. серповидные ножи (2), скребла, скребки, развертка, резчики, аморфные изделия, каменный «пест», створка Unio	М Основное в кургане; большая яма. На дне – охра, в т.ч. кусок
4	Павловск, 5/2	Конце- боковой скребок из кварцита	Ф-т сосуда, кремневая трапеция	Разрушено(?) – костей человека нет
5	Маяк, 3/4 (Ростовская обл.)	Тупик из тазовой кости	Близ тупика – бронзовое шило, костяная трубка, лопатка животного с обработкой, кремневые скребок и отщеп, сферосидерит, кусок песчаника. Кроме того, в погребении были сосуды (2), бронзовые подвески (4) (костяк «а»), костяные булавки (8), в основном, молоточковидные, бронзовые обоймы, пластинки (между «а» и «б»), булавки (2) (на тазу «б»), «флейта Пана»	Тупик – в головах двух подростков («а» и «б»), лежавших лицами друг к другу; в ногах у них лежал еще один подросток. На костяках, флейте и дне ямы была охра
6	Хапры, 1/6 (Ростовская обл.)	Тупик из тазовой кости	Близ тупика – костяных гарпуны (2), острия (3), кремневый скребок, каменный пест, плитки из песчаника (2), камень; поодаль (между костяками) – костяные трубочки (2), терочник и пест	2 умерших (взрослые) лежали «валетом». Тупик был в ногах одного из них и при этом – у лица другого
7	Алкалия, 5/8 (Одесская обл.)	Лошито из камня	Бронзовый нож в ножнах, заготовка каменного топора (мягкий известняк)	Взрослый. Досылка над погребением, большая яма
Катакомбные культуры				
8	Тельмана, 1/9 (Луганская обл.)	Скребок из кремня	Бронзовое шило, костяная игла, кремневые ножи (2)	Взрослый

9	Новые Раскаецы, 1/12 (Молдова)	Скребок-лощило из клыка кабана	Кремневый скребок, каменный проушной топор	Взрослый
10	Филатовка, 12/2 (Крым)	Лощило из кости	Бронзовые нож и шило, роговые отжимники (4), кремневые желваки (11), отщеп (1), каменные булава, «выпрямители» (2), «плитка-пила», абразивы (2), растиральник, пест, створки Upio (2); в заполнении – кремневый желвак и «выпрямитель» желвак	М. 1 раковина была наполнена охрой
11	Островной, 3/10 (Калмыкия)	Ф-г струга из ребра	Близ струга – костяные проколки со следами работы по коже (2) и растиральник для охры(?); поодаль находился сосуд	Взрослый. Костяные изделия – в слое охры
Посткатакомбная Кубанская группа				
12	Малаи II, 1/6 (Краснодарский край)	3-4 лощила (?) из кости	КЖ, сосуд, бронзовый нож, костяная проколка	Взрослый
Лолинская культура				
13	Элиста, 6/4 (Калмыкия)	Тупик из челюсти КРС	КЖ, сосуд, абразивы(?) (2)	Мужчина
14	Манджикины I, 9/1 (Калмыкия)	Струг из ребра	Сосуд, костяная трубка, кремневые стрелы (3)	Взрослый
Волго-уральская посткатакомбная группа				
15	Красносамарский I, 1/2 (Самарская обл.)	Тупик из тазовой кости	Под тупиком лежало бронзовое шило с деревянной рукоятью	М(?). Комки алой краски
16	Мамбеталы, к. 5 (Уральская обл.)	Тупик из тазовой кости	Костяное пряслице	М (40-50 лет).
Вольско-лбищенская группа				
17	Большой Дедуровский Мар, курган, «грабительская шахта» (Оренбургская обл.)	Тупик из тазовой кости	КЖ, ф-ты раковин, позвонки и чешуя рыб, ф-ты кер., капля меди, куски медного шлака (5), орудие из лопатки животного, подвеска из когтя хищной птицы, кремневые остроконечник, ф-т стрелы, сколы (73), каменный молот, угли	Находки были в придонной части «шахты»

Дно-волжская абашевская культура				
18	Селезни-2, 1/1 (Тамбовская обл.)	Струг из ребра	КЖ (на деревянном блюде), кости птицы, астрагалы МРС (25), сосуды (2), бронзовые нож и «жальца», костяные псалии (3), амулет из клыка медведя, стрелы из кремня (12) и кварцита (1), каменные булава, наковаленка, пест-кузнечный молот	Кенотаф(?). В заполнении – бронзовый нож, сосуд и землеройное орудие из ребра
Малополовецкий тип				
19	Малополовецкое- 3, комплекс 5 (Киевская обл.)	Тупик из челюсти КРС	КЖ, Астрагалы МРС (5), развалы сосудов (6), глиняное пряслище, каменные «гладильники» (2)	Артефакты находились в скоплении КЖ
20	Малополовецкое- 3, комплекс 17	Тупики из челюстей КРС, струг из ребра	КЖ, ф-ты керамики, бронзового серпа, растиральников, зернотерок, камней матрицы для отливки серпов	Артефакты выявлены среди КЖ, оказавших кенотаф.
Петровская культура				
21	Бестамак, п.40 (Костанайская обл.)	Тупик из челюсти КРС	Близ тупика – атланты КРС и МРС, сосуд, бронзовая стрела, костяной клинышек, каменные пест, абразивы (3); поодаль – кости кабана, сосуд, бронзовые нож, топор, тесло, кремневые стрелы (20), абразив; рядом с костяком человека лежали скелеты козы, теленка и козленка, а также – кости 4 конечностей овцы	М (35-40 лет). На перекрытии – череп КРС, МРС, кости конечностей животных. Покойник при жизни получил серию травм, впоследствии заживших (в т.ч. лишился 2 фаланг на пальце)
Алакульская культура				
22	Нуртай, 6/2 (Карагандинская обл.)	Тупик из челюсти КРС	Бронзовая подвеска, пастовые и бронзовые бусы	Разрушено. Ж; Р (4-5 лет)

Примечание 1. В таблицу были включены лишь те комплексы, где коженное орудие коррелировалось с другим некерамическим инвентарем.

Примечание 2. М – мужчина, Ж – женщина, Р – ребенок, ф-ты – фрагменты.

туры. Отметим, что тупики из расматриваемого кургана сильно изношены, т.е. в насыпь были помещены орудия, которыми до поломки интенсивно и долго работали.

Тупик в насыпи обнаружен и во время раскопок *срубного* кургана 6 могильника Лабазы, Оренбургская обл., Россия (Моргунова и др. 2009: 27, рис. 15, 4). Судя по рисунку, скорее всего, он изготовлен из правой половины нижней челюсти КРС.

Тупик, причем целый, был выявлен на грунтовом могильнике *малополовецкого типа* Малополовецкое-3, Киевская обл., Украина в комплексе 5. Последний представлял собой котлован, в северо-западной части которого находилось кострище, а близ него в скоплении КЖ размещались тупик из челюсти КРС, развалы 6 сосудов, глиняное пряслице, кучка из 5 астрагалов МРС и 2 каменных «гладильника», лежавших один на другом. В данном котловане выявлены также скопление обожженных зернотерок и несколько погребений детей и подростков (Лысенко 1997: 115–117; 1998: рис. 6, 8) (см. Табл. 1).

Трасологически определенные тупики из челюстей КРС и костяной струг для работы по коже были найдены и в комплексе 17 того же могильника. Комплекс являлся скоплением КЖ, располагавшихся вокруг погребения 87 (кенотафа). Помимо упомянутых орудий в скоплении присутствовали обожженные камни, фрагменты керамики, растиральников и зернотерок, фрагментированный бронзовый серп и обломки глиняной крышки матрицы, предназначавшейся для изготовления серпов (Лысенко, Лысенко 2006: 70–73; Лысенко и др. 2007: 274–276) (см. Табл. 1).

Тупики из челюстей животных известны и в погребальных комплексах азиатских степей. Так, в п. 40 могильника Бестамак, Костанай-

ская обл., Казахстан, относящемся к *петровской культуре*, у голени правой ноги мужчины 35–40 лет был положен тупик из правой половины челюсти особи КРС (Калиева, Логвин 2008: 46). Орудие очень сработано (трасологический анализ А.Н. Усачука). В захоронении выявлен и другой инвентарь (Калиева, Логвин 2008: 46–47) (см. Табл. 1).

В п. 2 кургана 6 мог. Нуртай, Карагандинская обл., Казахстан, относящемся к т.н. «*нуртайскому типу*» (*алакульской культуре*), в разрушенном комплексе вместе с костями «взрослой нестарой женщины и ребенка в возрасте 4–5 лет» найден тупик из челюсти КРС. Другой инвентарь — бронзовая подвеска и бусы из бронзы и пасты (Ткачев 2002: 172, 187, рис. 68, 5) (см. Табл. 1).

Упомянем еще находку фрагмента тупика из кургана *ирменской культуры* Преображенского могильника, Новосибирская обл., Россия. Из публикации не ясно, был ли данный артефакт обнаружен в погребении или — в насыпи за пределами могильной ямы (Молодин 1985: 127).

В кургане 8 могильника Чесноково-1, Алтай, Россия в «поминальном комплексе» выявлены фрагменты трех сосудов и «заполированное ... изделие из ветви челюсти животного ...» (Шульга 2008: 102). Судя по рисунку (Шульга 2008: рис. 40а, 9; 63, 1), последний артефакт сделан из фрагмента нижней челюсти лошади. П.И. Шульга предполагает, что интересующее нас изделие и подобные ему могли быть накладками на луки седел, но не настаивает на этом, ставя знак вопроса (Шульга 2008: 102) или называя эти изделия «предполагаемые накладки» (Шульга 2008: 255, рис. 63). Мы думаем, что загадочный артефакт из кургана 8 является тупиком, заполитрованным от долгой работы (По-

добед и др. 2011: 290). Добавим, что отнесение «поминального комплекса» к 8 к раннескифскому погребению (Шульга 2008: 102) вызывает у нас сомнения, поскольку керамику, найденную с костяным изделием, можно датировать финальной бронзой. Заметим, что ситуация в районе могильника Чесноково-1 довольно сложная — здесь присутствуют памятники и раннескифские, и эпохи бронзы (Шульга 1998: 58).

1-а-2. Комплексы с тупиками из челюстей животных, в т.ч. включавшие и другие кожевенные орудия. Поселения

На поселении *срубной культуры* Новоселовка I, Донецкая обл., Украин, а в заполнении котлована I выявлен развал сосуда, рядом с которым располагались фрагмент тупика из левой половины челюсти КРС и костяной наконечник стрелы (Цимиданов 1991: 9–10). Стоит учесть, что на данном памятнике при вскрытой площади около 550 кв. м найдены лишь 3 фрагмента тупиков и 1 костяной наконечник стрелы. Так что, случайная «встреча» упомянутых изделий является маловероятной. Очевидно, мы имеем дело с комплексом, имеющим определенную семантику.

На поселении *срубной культуры* Пилипчатино, Донецкая обл., Украина, в зольнике, насыпанном над остатками 2 медеплавильных печей, среди КЖ выявлены 3 тупика из челюстей КРС⁶ наряду с фрагментами керамики, кусками руды, фрагментами абразивов и терочни-

ков (Татаринов 1977: 195). Учитывая культовую роль зольников в срубной и других культурах эпохи бронзы (см., например: Подобед и др. 2010: 23), присутствие здесь тупиков (причем, сразу трех) является, очевидно, не случайным⁷.

На поселении *срубной культуры* Николаевка, Донецкая обл., Украина, в очаге жилища 4 вместе с фрагментами керамики и кальцинированных костей были выявлены тупик, 2 костяные проколки и наконечник стрелы, каменные «утюжок», точило, пест, 2 растиральника (Привалова, Привалов 1987: 97). По авторитетному мнению В.Н. Горбова и Р.А. Мимохода, в данном случае мы имеем дело с жертвой оставления жилища (Горбов, Мимоход 1999: 27).

На этом же поселении в хозяйственном помещении 3 близ северной стены исследована т.н. «хозяйственная яма». На дне ее лежали костяные тупик и лоцило, а также каменные растиральник и «болас» (Привалова, Привалов 1987: 98). Присутствие в яме целой серии орудий при том, что в классических «хозяйственных ямах» поселений *срубной культуры* Приазовья, как правило, находятся лишь фрагменты керамики и КЖ, позволяет допускать, что рассматриваемая яма являлась культовой.

На поселении *срубной культуры* Безыменное II, Донецкая обл., Украина, в помещении 24 была исследована яма №44. На дне ее находились камни, среди которых размещались астрагал и тупик из нижней челюсти КРС. Авторы публикации трактуют комплекс как куль-

⁶ В публикации сказано, что тупики изготовлены из челюстей козы (Татаринов 1977: 195), но, судя по рисунку и размерам одного из орудий (Татаринов 1977: 195, рис. 3, 6) — использованы нижние челюсти КРС (нарисованный тупик — из левой половины челюсти). Ошибки в определении сырья тупиков довольно часто встречаются в археологической литературе.

⁷ Здесь и в описанных ниже комплексах тупики из челюстей представлены, как правило, фрагментами.

товый (Горбов, Мимоход 1999: 31).

На том же поселении в т.н. «южном святилище» среди камней, облицовывавших стенки котлована, выявлены в двух разных местах тупик и заготовка тупика (Горбов, Мимоход 1999: 37).

На поселении *срубной культуры* Камышеватая XIV, Донецкая обл., Украина, в культовом рву с золистым заполнением был найден тупик из нижней челюсти КРС (трасологически обработан А.Н. Усачуком). Наряду с ним там находились обломки камней, КЖ (в основном, КРС), костяные «лощило», проколка, орудие из лопатки (Горбов, Кабанова 2010: 86, 89).

На поселении *срубной культуры* Зимогорье, Луганская обл., Украина, в яме №1 (размеры – 2,18 x 1,92 м, глубина 3,2 м от уровня обнаружения), в верхней части заполнения, состоявшего из кусков мергеля, был выявлен тупик из левой половины челюсти КРС⁸. Среди камней находились также КЖ и 2 фрагмента «коньков». Под камнями заполнение ямы представляло собой золистый грунт, подстилавшийся суглинком с вкраплениями углей и фрагментами керамических «хлебцов». Ниже глубины 1,5 м яма была забутована кусками мергеля вперемешку с суглинисто-черноземным грунтом, среди которых попадались фрагменты сосудов. На дне абразив (Пробейголова, Красильников 2010: 36–37). Учитывая размеры ямы, возможно допустить, что перед нами – колодец, который на определенном этапе был засыпан, причем, учитывая сложную структуру заполнения, — целенаправленно и продуманно. Последний момент делает весьма вероятным предположение, что перед нами — культовый комплекс.

⁸ Судя по рисунку тупика в отчете (Пробейголова, Красильников 2011: с. 139, рис. 99).

На поселении *срубной культуры* Хорошилово, Луганская обл., Украина, в заполнении постройки, наряду с фрагментами керамики, 3 фрагментами «стругов» из ребер животных, 2 «лощилами» из ребер, служившими для обработки кожи (определены трасологически), выявлены 15 тупиков из челюстей животных⁹. Почти на всех орудиях имелись следы сработанности (Красильников, Пробейголова 2006: 246). В публикации нет конкретных данных о том, как располагались тупики, но большое их количество позволяет предполагать, что они были помещены в заполнение котлована в ходе какой-то неутилитарной операции. Авторы раскопок видят в памятнике мастерскую по обработке шкур, но, на наш взгляд, для выделения мастерской или хотя бы производственного комплекса на поселении Хорошилово найденного материала недостаточно (ср. Горбов, Усачук 2000).

На поселении *срубной культуры* Желтое, Луганская обл., Украина, в северной части раскопа исследован угол (очевидно — юго-западный) котлована жилища 2. На дне котлована в этом углу находились два развала сосудов, каменный отбойник, тупик из нижней челюсти КРС и струг из ребра (Бровендер и др. 1992: 27–28). Учитывая очень небольшую площадь раскопанного угла жилища 2 и то, что «закопанные жертвы» на срубных поселениях «чаще всего располагаются во внутренних углах построек» (Мимоход 1996: 28), можно с большой долей вероятности отнести сосуды и орудия в углу жилища 2 к культовому комплексу.

На поселении *срубной культуры*

⁹ Судя по рисункам трех орудий (Красильников, Пробейголова 2006: 246, рис. 4), это типичные тупики из левых половин нижних челюстей КРС.

Червоное Озеро-3, Луганская обл., Украина, в «производственной постройке 2» был выявлен колодец. В его заполнении находились фрагмент тупика из нижней челюсти КРС¹⁰, развалы 3 сосудов, куски спекшейся глины, заготовка тальковой литейной формы и фрагмент тальковой литейной формы (Бровендер, Загородняя 2007: 45). На первый взгляд, перед нами — колодец, отслуживший свое и засыпанный бытовым мусором. Следует, однако, учесть, что в Донбассе отсутствуют месторождения талька. На данную территорию это сырье поступало из Поднепровья, что делало его дорогостоящим, поэтому заготовка из талька вряд ли могла быть просто выброшена. Отсюда правомерно допущение, что заполнение колодца производилось с ритуальной целью и — с использованием специально отобранных предметов.

На памятнике *срубной культуры* **Верхнее Турово**, Воронежская обл., Россия, в культурном слое обнаружена серия тупиков из нижних челюстей КРС и стругов из ребер КРС. Данный памятник является святилищем, окруженным ровиком. На площади его обнаружены 3 погребения, культовая яма с остатками двух человеческих жертвоприношений, зольник и другие следы культовой деятельности. Стоит отметить присутствие в слое фрагментов двух матриц для отливки серпов (Синюк и др. 2006: 104, 106, 109). В данном случае можно с достаточной уверенностью констатировать, что тупики также являлись атрибутами ритуалов.

На поселении *срубной культуры* **Моечное Озеро I**, Самарская обл., Россия, на полу постройки (напротив входа) обнаружены 7 тупиков, 2 «грубых костяных орудия», 3

«бабки» с отверстиями и 2 костяных пряслица (Алихова 1958: 159). Скопление на небольшом участке площади пола жилища такого большого числа орудий позволяет считать, что комплекс является культовым.

На поселении *срубной культуры* **Макаровская Речка**, Саратовская обл., Россия, в центральной части постройки, где имелись следы металлургического производства, исследована подпрямоугольная яма (1,87 x 1,16 м; гл. - 0,6 м). В ее заполнении встречались КЖ, в т.ч. астрагалы коровы и барана, фрагменты керамики, 2 керамических орудия со сточенными краями, каменное орудие. На дне ямы в определенном порядке размещались тупик из челюсти КРС со следами длительного использования, астрагалы МРС (один лежал рядом с тупиком), астрагалы КРС, другие КЖ, кусочки красного и желтого минералов, 2 кучки золы (одна из них содержала частички коричневого минерала, угольки и кальцинированные косточки), фрагменты сосудов, угольки и т.д. (Изотова 2006: 160–161). Данный комплекс, несомненно, является культовым.

На поселении *срубной культуры* **Нижняя Красавка**, Саратовская обл., Россия (вариант: **Нижняя Красавка-II** (Лопатин 2010)), в северной части котлована постройки 2 у стены, противоположной входу, было выявлено скопление КЖ (размеры его: 3,2 x 1,5 м), подстилавшееся слоем глины с добавками углей и фрагментов керамики. Среди КЖ находились фрагменты керамики и округлое каменное изделие (пест или пращевой снаряд). Из костей заслуживают упоминания 3 нижние челюсти КРС с отделенными крайними резцовыми отделами и еще 2 челюсти КРС, которые в северо-восточной части скопления лежали близ остатков истлевшего

¹⁰ Видовое определение кости — О.П. Журавлева.

столба. На юго-западном краю скопления находилась компактная группа камней, а в 0,9 м к востоку от нее, вместе с ребром, частью лопатки и пястной фалангой КРС, лежал тупик «из нижней челюсти лошади» (Асафьев, Лопатин 2009: 23; Лопатин 2009: 41–42)¹¹. Можно согласиться с В.А. Лопатиным, что в данном случае мы имеем дело с остатками «некоего домашнего святилища» (Лопатин 2009: 41).

На поселении *срубной культуры* Преображенка 1, Саратовская обл., Россия, была исследована постройка 2, трактуемая В.А. Лопатиным как «мастерская по обработке шкур животных, выделке кож, пошиву кожаной одежды и обуви, шерстопрядению». Здесь выявлена «зольная ванна для обезжиривания свежих шкур» и 2 углубления, в которых находились скопления керамики, КЖ и «различные инструменты». Среди данных инструментов в краткой публикации названы фрагменты 2 тупиков¹², «струг» из лопатки крупного животного, костяные «рукояти», проколки, упор (сустав с отверстием), костяное пряслице, кварцитовые пластина и скребок, 2 фрагмента проушных топоров со следами вторичного использования (Лопатин 2002: 56–57). Концентрация орудий в углублениях свидетельствует о целенаправленной оставлении перечисленных предметов в котловане постройки.

На поселении *срубной культуры* Береговское I, Башкортостан, Рос-

сия, в котловане постройки 2, в северной его части, противоположной входу, выявлены фрагмент тупика, бронзовые нож и 2 обоймы, каменные «мотыга», абразив, «привеска» из гальки и 3 глиняных пряслица (Горбунов 1989: 68). Присутствие на этом участке пола бронзового ножа – предмета, который не мог быть забыт или утерян в покинутой постройке, – серьезный аргумент в пользу того, что все упомянутые изделия были преднамеренно оставлены на полу с неутилитарной целью.

Итак, можно видеть, что находки тупиков из челюстей животных в поселенческих культовых комплексах *срубной культуры* довольно многочисленны. В других культурах эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы рассматриваемых изделий в культовых комплексах поселений известно намного меньше. В частности, в «свалке-«зольнике»» поселения *сабатиновской культуры* Новогригорьевка, Николаевская обл., Украина, были обнаружены два орудия кожевенного производства (тупик и скребок из III (копытной) фаланги лошади), орудие гончарства, астрагалы, «конек», иголка, проколка (Панковський 2007: 235, 239)¹³. На поселении *белозерской культуры* Струмок III, Одесская обл., Украина, в яме 10б, исследованной в жилище 10, были выявлены «струг» (тупик) из нижней челюсти и костяная проколка

¹³ Впрочем, разбиравший материалы поселения В.Б. Панковський не уверен, что зольник, вскрытый в раскопе III, является культовым. Вполне возможно, по мнению исследователя, что это не собственно зольник, а просто – часть культурного слоя. Поэтому в своей работе термин «зольник» В.Б. Панковський употребляет в кавычках и называет объект «свалкой-«зольником»» (Панковський 2007: 235). Благодарим В.Б. Панковського за неоднократное обсуждение деталей этой статьи.

¹¹ Судя по рисунку (Лопатин 2009: 50, рис. 4,3) – это левая половина нижней челюсти КРС. Обратим внимание на то, что и в другой работе тупики из левых половин нижних челюстей КРС этого поселения В.А. Лопатин называет тупиками «из нижних челюстей лошади» (Лопатин 2010: 137).

¹² Судя по качественным рисункам (Лопатин 2002: 111, рис. 8,9,10) – это левые половины нижних челюстей КРС.

(Сапожникова и др. 1996: 70)¹⁴.

На поселении *кизил-кобинской культуры Уч-Баш*, Крым, Украина, в яме 16 (19) раскопа II, заполнение которой представляло собой пепел с примесью грунта, был выявлен тупик, вероятно, из челюсти животного и другие разнообразные артефакты (Кравченко 2011: 247) (см. Табл. 2). Яма относится к горизонту Ia (Кравченко 2011: 51), синхронному финалу белозерской культуры (см.: Кравченко 2011: 92). Стоит отметить, что на поселениях кизил-кобинской культуры исследованы десятки аналогичных ям, но больше ни в одной из них (равно как и в других комплексах) явных орудий кожевенного производства не обнаружено (см.: Кравченко 2011: 237–256). Это говорит о том, что ритуальное использование кожевенных орудий в данной культуре не имело значительных масштабов.

Перейдем теперь к рассмотрению комплексов, исследованных в Азии.

На поселении *петровской культуры Новоникольское I*, Северо-Казахстанская обл., Казахстан, в жилище 16 была выявлена серия «жертвенных комплексов» (другие жилища данного поселения подобной концентрации следов культовой деятельности не демонстрировали) в виде частей скелетов животных. В частности, в юго-восточном углу постройки находились скелеты 2 коров, причем близ одного из них были кости ног барана и сильно залощенный тупик из челюсти крупного копытного (Зданович 1988: 32–36).

На том же поселении, в жилище 1 у выхода из него на северо-вос-

ток, была выявлена ямка с черепом лошади, под которым лежал «тупик со значительными следами сработанности» (Зданович 1988: 27).

На поселении *второй пол. II тыс. до н.э. Талдысай*, Карагандинская обл., Казахстан в восточном жилищно-производственном комплексе, на т.н. «северной жертвенной площадке» были обнаружены над ямой, связанной с металлургическим производством, 2 целых и 2 расчлененных скелета КРС. Под одним из них лежали фрагменты керамики, тупик из челюсти крупного животного и костяное серповидное орудие. Авторы трактуют данные находки как жертву оставления жилища (Курманкулов и др. 2007: 97–98).

На поселении *алакульской культуры Атамановка V*, Челябинская обл., Россия, в жилище находился колодец (у юго-восточной стены внутри котлована). В его сажистом заполнении были выявлены фрагменты 2 тупиков (в отчете названы стругами) из челюстей КРС, дробленые и обожженные кости, фрагменты керамики, мелкие куски песчаника и, вероятно, какие-то «орудия» (Гутков 1992: 6–7).

На участке с материалами *саргаринско-алексеевской культуры* многослойного поселения *Язево I*, Курганская обл., Россия, к северо-западу от жилища 3 были выявлены несколько кострищ, столбовых ямок и канавок (часть последних имела золистое заполнение). Здесь же находилась серия целых скелетов животных и их частей со следами огня. Слой был насыщен золой, углями, фрагментами кальцинированных костей. Рядом с костями обнаружены 4 развала сосудов, 2 маленьких сосудика, каменное орудие топоровидного типа и 2 тупика. По мнению автора публикации, на данном участке поселения находились наземные постройки для содержания скота, которые потом сгоре-

¹⁴ Осмотр самих вещей показал, что в качестве проколки (№ 2572) использовался удобный обломок недолго используемого струга, а тупик (№ 972) изготовлен из правой половины нижней челюсти лошади. Благодарим Ю.А. Черниенко за возможность работать с коллекцией костяных орудий поселения Струмок III.

ТАБЛИЦА 2. АРТЕФАКТЫ, КОРЕЛЛИРУЮЩИЕСЯ С ОРУДИЯМИ КОЖЕВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА. ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ.

№	Комплекс	Орудия	Предметы, встреченные с ними	Примечания
Срубная культура				
1	Новоселовка I, котлован I (Донецкая обл.)	Тупик из челюсти КРС	Развал сосуда, костяная стрела	
2	Пилипчатино, зольник (Донецкая обл.)	3 тупика из челюстей КРС	КЖ, ф-ты кер., абразивов и терочников, куски руды	Зольник перекрывал медеплавильные печи
3	Николаевка, жилище 4, очаг (Донецкая обл.)	Тупик из челюсти КРС	Кальцинированные КЖ, ф-ты кер., костяные проколки (2) и стрела, кам. «утожок», точило, пест, растиральники (2)	
4	Николаевка, хоз. помещение 3, «хоз. яма»	Тупик из челюсти КРС	Костяное ложило, кам. «болас» и растиральник	
5	Безыменное II, п. 24, яма 44 (Донецкая обл.)	Тупик из челюсти КРС	Астрагал МРС, камни	
6	Камышеватая XIV, ровик (Донецкая обл.)	Тупик из челюсти КРС	КЖ, костяные «ложило», проколка, орудие из лопатки, обломки камней	Заполнение ровика золистое
7	Зимогорье, яма I (Луганская обл.)	Тупик из челюсти КРС	КЖ, ф-ты кер., «коньков»(2), кер. «хлебцов», абразив, куски мергеля	Колодец(?); заполнение – слоистое, в грунте – зола и угольки
8	Хорошилово, заполнение постройки (Луганская обл.)	15 тупиков из челюстей КРС, 2 ложила из ребер	Ф-ты кер., «стругов из ребер» (3)	Почти все орудия сработаны
9	Желтое, угол жилища 2 (Луганская обл.)	Тупик из челюсти КРС	Развалы сосудов (2), кам. отбойник, струг	Костяные орудия заполированы
10	Червонэ Озеро-3, производственная постройка 2, колодец (Луганская обл.)	Ф-т тупика из челюсти КРС	Развалы сосудов (3), заготовка тальковой матрицы, ф-т тальковой матрицы, куски спекшейся глины	
11	Верхнее Турово, святилище (Воронежская обл.)	11 тупиков из челюстей КРС	КЖ, ф-ты кер., «струги» (2), проколка, матрицы для отливки серпов (2)	На памятники – 3 погребения и следы человеческих жертвоприношений
12	Моечное Озеро I, постройка, место напротив входа (Самарская обл.)	7 тупиков из челюстей животных	«Бабки» с отверстиями (3), костяные орудия (2), костяные пряслица (2)	

13	Макаровская Речка, постройка, культовая яма (Саратовская обл.)	Тупик из челюсти КРС	КЖ, кальцинированные кости, астрагалы МРС и КРС, ф-ты кер., кам. орудие, кер. скребки (2), кусочки красного, коричневого и желтого минералов	В постройке – следы металлургического производства. Тупик сработан. В яме – угольки и кучки золы
14	Нижняя Красавка, постройка 2, «святилище» (Саратовская обл.)	Тупик из челюсти КРС	КЖ (в т.ч. челюсти КРС), пястная кость КРС, ф-ты кер., кам. пест (?), камни	Угли под костями
15	Преображенка 1, постройка (Саратовская обл.)	Ф-ты 2 тупиков из челюстей КРС	КЖ, ф-ты кер., костяные «струг» (из лопатки), «рукояти», проколки, «упор», пряслице, кварцитовые пластина и скребок, ф-ты кам. проушных топоров со следами вторичного использования (2)	Постройка, по В.А. Лопатину, связана с кожевненным производством. Орудия концентрируются в 2-х углублениях
16	Береговское I, постройка 2, участок пола (Башкортостан)	Ф-т тупика из челюсти	Бронзовые нож и обоймы (2), кам. «мотыга», абразив, подвески, глиняные пряслица (3)	
17	Ильичевка, жилище 12, вымостка из КЖ (Донецкая обл.)	«Конек», струг и лощило из ребер	КЖ	
18	Безыменное II, северо-восточное святилище, облицовка котлована (Донецкая обл.)	4 «конька»	Амулет из зуба лошади	Коньки были сложены попарно (скорее всего и изготовлены в парах)
19	Раздольное, раскоп IV, жертвенная яма (Донецкая обл.)	Лощило из ф-та керамики	КЖ, в т.ч. правая половина нижней челюсти, левая лопатка и кости запястья лошади; в засыпке ямы встречались мелкие фрагменты пережеванных КЖ и угольки	
Сабатиновская культура				
20	Новоселица, зольник (Одесская обл.)	Скребки, лошिला, разминальники, скребок-разминальник, скребок-лощило из кости	Черепы быков, лошадей, коней, ф-ты кер., астрагал с отверстием, кружки из стенок сосудов, глиняные «хлебцы», бронзовая стрела, костяные орудия гончарного производства, кам. зернотерка, растиральник и т.п.	В зольнике присутствовали погребения людей. Кожевненные орудия концентрировались в центре, как и орудия керамического производства.

21	Новогригорьевка, зольник (Николаевская обл.)	Тупик из челюсти КРС, скребок из III (копытной) фаланги лошади	Астрагалы, орудие гончарства, «конек», иголка, проколка	
Белозерская культура				
22	Струмок III, жилище 10, яма 106 (Одесская обл.)	Тупик из челюсти лошади	Костяная проколка	
Кизил-кобинская культура				
23	Уч-Баш, поселение, II раскоп, яма 16 (19) (Крым)	Тупик (из челюсти (?) животного)	КЖ, раковины моллюсков, ф-ты кер., глиняная подвеска, астрагалы МРС с пришлифовкой, роговой свисток(?), кремневые ножи (целый и 2 ф-та), отщепы, ф-т зернотерки, подвески из раковин (2), охра, пепел	
Токсанбайский тип				
24	Токсанбай, поселение, северная часть постройки (Мангистауская обл.)	Серия тупиков (целые и ф-ты) из тазовых костей, ф-ты орудий из лопаток МРС	КЖ, сосуд, ф-ты кер., изделия из кости, в т.ч. псалии (2), кремня, камня, в т.ч. шар и абразив, ф-ты деревянной чаши(?) с оковкой, остатки горелых веток	Артефакты находились между двумя жертвенниками, включавшими КЖ и другие предметы
25	Токсанбай, поселение, восточная часть постройки	Тупики из тазовых костей	Нижние конечности кулана (не менее 19)	Тупики обрамляли скопление КЖ с запада
26	Токсанбай, поселение, жертвенник-ящик в постройке	Тупики из тазовых костей	КЖ	
Петровская культура				
27	Новоникольское I, жилище 16, юго-восточный угол (Северо-Казахстанская обл.)	Тупик из челюсти крупного копытного	Костяки 2 коров, кости ног барана	Тупик сильно залощен
28	Новоникольское I, жилище 1, яма у входа	Тупик из челюсти крупного копытного	Череп лошади	Тупик лежал под черепом На тупике следы сработанности
Алакульская культура				
29	Атамановка V, жилище, колодец (Челябинская обл.)	2 ф-та тупиков из челюстей КРС	Дробленые и обожженные КЖ, ф-ты керамики, мелкие камни	Заполнение колодца сажистое

Саргаринско-алексеевская культура				
30	Язеве I, северо-западный участок (Курганская обл.)	2 тупика из челюстей	Костяки животных и их частей со следами огня, развалы сосудов (4), маленькие сосудики (2), «кам. топор»	Слой насыщен золой и углями, кальцинированными костями
31	Язеве I, ямы 2, 4, 6	Тупики из челюстей	Рога лося, сосуды, обломки зернотерки, песты и т.д.	В верхней части заполнения ям 4 и 14 были кострища
32	Алексеевское, землянка 6, кострище в заполнении (Костанайская обл.)	2 тупика из челюстей КРС	Кости 2 ног овцы и 1 ноги лошади, ф-ты 3 сосудов, костяное пряслице, курант, точило	Тупики лежали вместе
33	Садчиковское, землянка 1, дно котлована (Костанайская обл.)	Тупик из челюсти лошади	КЖ, в т.ч. коровьи зубы (2), сосуд с крышкой из большого фрагмента другого сосуда, костяная стрела	Тупик и стрела находились близ ямы, в которой стоял сосуд
34	Садчиковское, землянка 3, южный угол dna котлована	Тупик из «большой челюсти»	КЖ, сосуд, заготовка, фрагмент и готовые «коньки» (2), костяное изделие, абразив	Все находки были приурочены к скоплению костей
Ирменская культура				
35	Быстровка 4, жилище 3, пол у юго-восточной стены (Новосибирская обл.)	Тупик из челюсти	КЖ, кер., костяная проколка с обломанным острием, мелкие камни	
36	Ирмень 1, «ложбинка» (Новосибирская обл.)	33 тупика (22 – из челюстей КРС; 10 – из челюстей лошади)	25 черепов (КРС, МРС, лошадь, собака), ф-ты кер., керамические кружки (7), астрагалы с пришлифовкой (4), бронзовые нож, шило, долото, пластинка, роговая подвеска, костяные проколки (более 60), долота, заготовки стрел (2), трубка, «булавка», ф-ты литейных форм	

Примечание 1. В таблицу были включены лишь те комплексы, где кожевенное орудие коррелировалось с другими вещами или костями животных.

Примечание 2. Ф-т – фрагмент, КЖ – кости животных, кер. – керамика, кам. – каменный, хоз. – хозяйственная (хозяйственное), КРС – крупный рогатый скот; МРС – мелкий рогатый скот.

ли (Потемкина 1985: 37). С такой трактовкой трудно согласиться. Учитывая присутствие в слое целых костяков животных, более правомерным будет допустить, что здесь производились жертвоприношения.

На этом же поселении в ямах 2, 4 и 14 также выявлены тупики. Кроме них там находились сосуды, фрагменты зернотерки, песты, рога лося и т.д. В верхней части заполнения ям 4 и 14 зафиксированы кострища (Потемкина 1985: 38).

На поселении *саргаринско-алексеевской культуры* (ср. Кузьмина 1994: 124; 2008: 206–207) Садчиковское, Костанайская обл., Казахстан, 12 (в ней находился сосуд с крышкой из большого фрагмента другого сосуда и КЖ, в т.ч. 2 коровьих зуба), лежал тупик из челюсти лошади. На той же глубине, но к югу от ямы располагалась костяная стрела (Кривцова-Гракова 1951: 159–160, 166, рис. 2). Если отнести яму к т.н. «емкостным жертвенникам» (см.: Мимоход 2000: 87–88), то перед нами, очевидно – культовый комплекс.

В землянке 3 этого же поселения, в южном углу котлована, было исследовано скопление «довольно крупных костей», где находились тупик, «сделанный из большой челюсти», заготовка, фрагмент и 2 готовых «конька», заготовка костяного изделия (граненая трубчатая кость), абразив и сосуд (Кривцова-Гракова 1951: 177, рис. 2).

На поселении *саргаринско-алексеевской культуры* Алексеевское, Костанайская обл., Казахстан, в землянке 6 у северо-западной стенки было обнаружено кострище, которое, вероятно, функционировало в уже заброшенном котловане. Под его углистым слоем находились размещавшиеся «в полном порядке» кости двух передних ног овцы и одной ноги лошади. В пределах кострища выявлены скопления фраг-

ментов 2 сосудов, дно большого сосуда, курант, точило, пряслице из головки бедренной кости и два тупика, лежавших вместе (Кривцова-Гракова 1948: 91–92, 123)¹⁵. Характер комплекса делает весьма вероятным допущение о его связи с культовой практикой.

На поселении *саргаринско-алексеевской культуры* Трушниково, Восточно-Казахстанская область, Казахстан, в жилище 1, в т.н. «мусорной яме» были обнаружены 2 тупика (Черников 1960: 55). То, что их было два, позволяет предполагать, что мы имеем дело с культовым комплексом.

На поселении *ирменской культуры* Быстровка 4, Новосибирская обл., Россия, в жилище 3 участок пола у юго-восточной стены «... был усыпан обломками посуды, костей, мелкими камнями. Наиболее интересны следующие находки: сильно заполированный тупик, изготовленный из челюсти животного, ... костяная проколка с обломанным острием ...» (Матвеев 1993: 63). Учитывая то, что участок с большим количеством находок находился возле стены, можно с большой долей уверенности предположить, что здесь были выявлены остатки культового комплекса (ср. Мимоход 1996: 28–32).

На поселении *ирменской культуры* Ирмень 1, Новосибирская обл., Россия, в илистых отложениях т.н. «ложбинки», пересекавшей памятник, были выявлены 33 тупика (23 – из нижних челюстей КРС и 10 – из нижних челюстей лошади), 25 черепов животных (13 КРС, 10 МРС, 1

¹⁵ Автор раскопок пишет, что тупики изготовлены из челюстей лошади (Кривцова-Гракова 1948: 91), однако, судя по очень хорошему рисунку одного из орудий (Кривцова-Гракова 1948: 91, рис. 24), найдены типичные тупики из нижних челюстей КРС (нарисованный тупик изготовлен из левой половины нижней челюсти).

лошадиный, 1 собачий) и целый ряд других артефактов (Матвеев 1993: 39-42) (см. Табл. 2). Автор считает, что в «ложбинку» выбрасывались «поломанные или ненужные вещи» (Матвеев 1993: 41). По нашему мнению, более вероятно допускать, что в данном случае мы сталкиваемся с проявлениями культовой практики (Подобед и др. 2010: 17–18).

И-б-1. Комплексы с тупиками из тазовых костей животных. Погребения и погребальные сооружения.

Тупики этого типа известны нам в погребальных комплексах различных культур.

В частности, тупик из тазовой кости выявлен в погребении *ямной культуры* из Маяка II, 3/4, Ростовская обл., Россия. Здесь в могиле были погребены трое подростков, двоих из которых («а» и «б») уложили лицом друг к другу, а третьего («в») поместили у них в ногах. Тупик лежал в головах у погребенных «а» и «б». Помимо него в могиле имелся и другой довольно разнообразный инвентарь (Озеров, Беспалый 1987: 161–163) (см. Табл. 1).

К *ямной культуре*, очевидно, относится и захоронение с подобным изделием из Хапров, 1/6, Ростовская обл., Россия. Оно являлось парным и содержало разнообразный инвентарь (Озеров, Беспалый 1987: 161–163) (см. Табл. 1).

Тупики из тазовых костей известны также в погребальных комплексах раннего этапа *утевско-тамаруткульской группы* степного Приуралья. Один из них выявлен в насыпи кургана 8 (примерно на уровне погребенной почвы) VII Тамар-Уткульского могильника, Оренбургская обл. Россия, а второй – в конструкции п. 1 к. 10 I Новотроицкого могильника, Оренбургская обл. Россия (находился возле головы взрослой женщины) (Богданов 2004:

36, 52, 193). В связи с этими находками уместно сделать небольшое уточнение. С.В.Богданов пишет, что тупики изготовлены из лопаток КРС (Богданов 2004: 36, 52), однако, по рисунку одного из орудий, приведенному в монографии (Богданов 2004: 225, рис. 63, 2), ясно, что в качестве сырья применялась подвздошная кость тазового пояса крупных копытных (по рисунку не ясно – лошади или КРС).

Стоит обратить внимание и на своеобразный объект – т.н. «грабительскую шахту», оставленную представителями *вольско-лбищенской культурной группы* в кургане *Большой Дедуровский Мар*, Оренбургская обл., Россия. В придонной части «шахты» среди углей, многочисленных фрагментов КЖ, обломков створок речных раковин, позвонков и чешуи карповых рыб были обнаружены разнообразные изделия, в т.ч. два костяных орудия (Богданов 1998: 18, 21) (см. Табл. 1). С.В. Богданов пишет, что орудия изготовлены «из лопаток скота» (Богданов 1998: 18). Действительно, одно орудие, судя по рисунку (Богданов 1998: 33, рис. 7, 6), представляет собой фрагмент лопатки крупного копытного со сбитой остью. Другое же орудие (Богданов 1998: 33, рис. 7, 4) – сильно сработанный тупик из подвздошной кости крупного копытного.

Массивный тупик был обнаружен в погребении раннего этапа *лолинской культуры* могильника *Колдыри*, 24/3, Ростовская обл., Россия (Беспалый 1983; Мимоход 2010: 72, рис. 3, 1).

Из погребения *волго-уральской посткатакомбной культурной группы* (северный дериват *лолинской культуры*) из *Красносамарского I*, 1/2, Самарская обл., Россия, происходит аналогичное орудие (Васильев, Кузнецов 1988: 40, 51; Мимоход 2010: табл. 26, 34). Отметим,

что в первой публикации была допущена та же ошибка, которая имела место в монографии С.В. Богданова: об орудии сказано, что оно изготовлено «из лопатки крупного животного» (Васильев, Кузнецов 1988: 40), тогда как на самом деле сырьем послужила тазовая кость. Умерший, которого сопровождал тупик, являлся мужчиной. Другой инвентарь представлен бронзовым шилом с деревянной рукоятью (Васильев, Кузнецов 1988: 40; Мимоход 2010: 69, рис. 2, 1).

Тупик из тазовой кости был выявлен и в захоронении той же культурной группы из к. 5 могильника Мамбеталы, Уральская обл., Казахстан. Орудие находилось в захоронении мужчины 40-50 лет. Другой инвентарь – костяное пряслице (Памятники... 1993: №508, табл.26, 34).

Изделие рассматриваемого типа было найдено в насыпи к. 2 *синташтинской культуры* могильника Каменный Амбар-5, Челябинская обл., Россия (Епимахов 2005: 12, 14, илл. 10, 1; Усачук 2005: 186)¹⁶.

Тупик из тазовой кости лошади присутствовал в погребении *срубной культуры*, исследованном на поселении Новомаргаритовка, Ростовская обл., Россия. Кроме тупика, в погребении найден сосуд и нижняя челюсть свиньи (Масловский 2006: 113, 114, рис. 15, 1-3).

I-6-2. Комплексы с тупиками из тазовых костей животных, в т.ч. включавшие и другие кожевенные орудия. Поселения

Значительное количество комплексов с тупиками и другими костя-

¹⁶ Обратим внимание на разнородность в определении видовой принадлежности сырья тупика: из тазовой кости лошади (Епимахов 2005: 12); из фрагмента тазовой кости взрослой особи КРС(?) (Усачук 2005: 186). Очевидно, второе определение верное, потому что выполнено П.А. Косинцевым (вопрос поставлен им).

ными орудиями для обработки кожи выявлено на поселении раннего этапа *елунинской культуры* (конец III – первая треть II тыс. до н.э.) Березовая Лука, Алтай, Россия. В яме №334, относящейся к жилищу 1, обнаружены 3 тупика из тазовых костей лошади (Кирюшин и др. 2005: рис. 113; 114; 115, 2). На дне ямы №335 этого же жилища также находился фрагмент аналогичного тупика (Кирюшин и др. 2005: рис. 117, 1). В яме №192 жилища 1 найден нож из лопатки МРС для чистки мездры с кожи (орудие трасологически определено) (Кунгурова 2005: 227). В «хозяйственной яме №2» жилища 2 обнаружены фрагменты тупиков из тазовых костей (Кирюшин и др. 2005: рис. 120, 1; 122, 7), причем один из них после поломки использовался как лощило-скребок для скобления и разминания кожи (Кунгурова 2005: 227). Здесь же в яме находились и орудия из лопаток МРС (Кирюшин и др. 2005, рис. 135, 1; 138, 1). Оговоримся, что подобные орудия не всегда использовались в работе с кожей. Например, некоторые из них Н.Ю. Кунгурова трактует как «кочедыги» для разминания и разрыхления растительных волокон (Кунгурова 2005: 227). Тем не менее, опыт обработки костяных орудий различных памятников одного из авторов данной статьи (А.Н. Усачука) показывает, что подавляющее большинство своеобразных ножей-скребков из лопаток МРС является орудиями для обработки кожи.

Несколько культовых комплексов с тупиками были выявлены на поселении Токсанбай, Мангистауская обл., Казахстан, относящемся к памятникам *токсанбайского типа (синташтинское время)* (Самашев и др. 2001: 347-352; 2004: 136-137). Поселение представляло собой расположенную на мысу крепость-убежище с постройками, тя-

готовевшими к краям мыса. В юго-восточной части памятника было исследовано жилище с ярко выраженными следами обрядовых действий. Здесь (в северной части котлована) между двумя жертвенниками, включавшими кости животных и другие предметы, размещалось скопление артефактов, ограниченное с севера стенкой постройки, а с юга – рядом из 5 столбовых ямок. В скоплении обнаружены несколько целых или фрагментированных тупиков, фрагменты орудий кожевенного производства из лопаток МРС и другие изделия (Самашев и др. 2007: 88–90) (см. Табл. 2).

Тупики выявлены и в алтаре-нише, возле которого находилось описанное выше скопление (Самашев и др. 2007: 89), а также в каменном ящике возле ниши. Судя по

контексту находок, алтарь-ниша, ящик и скопление артефактов на полу жилища одновременны. Однако, после того, как жилище сгорело, были произведены действия, в результате которых появились два новых объекта: 1) скопление костей животных (не менее 19 нижних конечностей кулана) у восточной стенки жилища на возвышении, очищенном от пожара: с запада скопление обрамляли тупики; 2) новый слой КЖ и тупиков в жертвеннике-ящике (Самашев и др. 2007: 90, 94, рис. 1). Чрезмерная насыщенность рассматриваемой постройки жертвенными комплексами позволило авторам раскопок предположить, что жилище было «предназначено для совершения культовых действий, возможно, являясь святилищем» (Самашев и др. 2007: 90).

II. КОМПЛЕКСЫ С КОСТЯНЫМИ СКРЕБКАМИ И ДРУГИМИ ОРУДИЯМИ

В зольнике *сабатиновской культуры*, исследованном близ с. Новоселица, Одесская обл., Украина, были выявлены костяные скребки для обработки кожи, вместе с которыми находились и другие орудия кожевенного производства: лоцила, т.н. «штампы для тиснения по коже»¹⁷, комбинированное орудие, использовавшимся как скребок и как разминальник, и комбинированное орудие, использовавшееся как скребок и как лоцила (Тощев, Черняков 1986: 128). Данный зольник демонстриро-

вал многочисленные следы ритуальных действий – присутствие в его толще черепов быков, лошадей, коней, причем размещенных в определенном порядке, глиняных «хлебцов», погребений людей и т.п. (Тощев, Черняков 1986: 122-127).

На упомянутом выше поселении *белозерской культуры* Струмок III, в яме 10г, исследованной в том же жилище 10, были выявлены 2 скребка-лоцила из III (копытной) фаланги лошади (Сапожникова и др. 1996: 70).

III. КОМПЛЕКСЫ С КОСТЯНЫМИ СТРУГАМИ ИЗ РЕБЕР ЖИВОТНЫХ

В погребении *восточноманьчской катакомбной культуры* из Островного, 3/10, Калмыкия, Россия, выявлен, по мнению одного из ав-

торов этой статьи, «специализированный набор орудий кожевенного производства», в состав которого входили фрагмент струга из

¹⁷ На самом деле, данные орудия, изготовленные из лопаток КРС и имеющие зубцы по краю суставной впадины, являются разминальниками для кожи (Панковський 2003: 135–141).

ребра крупного копытного и две костяные проколки (Усачук 2002: 271). Помимо них в захоронении присутствовали керамический сосуд и каменное орудие (растиральник для охры?). Умерший был взрослым (Шишлина и др. 2002: 17–18).

В захоронении I (раннего) этапа *лолинской культуры* могильника Манджикины I, 9/1, Калмыкия, Россия, обнаружено изделие из ребра крупного копытного, которое, согласно трасологическому определению, использовалось как струг для мездрения и уплотнения кожи. В погребении находились также сосуд, костяная трубка и 3 кремневых наконечника стрел (Усачук 2002: 269; Мимоход 2007: 150, рис. 3, 14; 4, 21, 35, 38, 39).

Еще 2 струга из ребер крупных копытных были найдены в 2009 г. в двух погребениях *лолинской культуры* могильника Зимняя Ставка, Ставропольский край, Россия (раскопки В.И. Бабенко), однако другими сведениями о данных комплексах мы не располагаем.

Костяной струг, причем определенный трасологически как коженное орудие, происходит из п. 1 кургана 1 могильника Селезни-2, Тамбовская обл., Россия (Пряхин и др. 1998: 10, 11, рис. 4, 8; Усачук 1998: 31). Относительно культурной атрибуции погребения су-

ществуют разногласия (Кузьмина 2010: 52). Авторы публикации относят его к *доно-волжской абашевской культуре*, а, например, Е.А. Черленок, вслед за В.С. Бочкаревым, – к покровской культуре (Черленок 2010: 230). Погребение, вероятно, являлось кенотафом. Оно содержало разнообразный инвентарь (Пряхин и др. 1998: 4, 11) (см. Табл. 1).

Стоит упомянуть и находки из Второго Плясоватского кургана, Воронежская обл., Россия (Синюк и др. 2004: 173–175). Здесь в пределах древнего грабительского лаза были выявлены, среди артефактов *абашевского* и *срубного* облика, два костяных орудия коженного производства: струг на ребре и «кость ноги лошади с зарубками (орудие для мягчения шкур)» (Синюк и др. 2004: 175)¹⁸.

На поселении *срубной культуры* Ильичевка, Донецкая обл., Украина, в яме 11 жилища 3 был выявлен недолго использовавшийся струг из лошадиного ребра¹⁹. Напомним, что струги были найдены также в жертвеннике из жилища 12 данного поселения, в постройке срубного поселения Хорошилово и комплексе 17 грунтового могильника малополовецкого типа Малополовецкое-3, где они кореллировались с другими коженными орудиями.

IV. КОМПЛЕКСЫ С «КОНЬКАМИ», В Т.Ч. ВКЛЮЧАВШИЕ И ДРУГИЕ ОРУДИЯ КОЖЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

На поселении *срубной культуры* Ильичевка, Донецкая обл., Украина, в жилище 12 была выявлена вы-

мостка из костей животных. Среди костей найдены «конек» и орнаментированное костяное лоцило. Дан-

¹⁸ В публикации дана ссылка на рисунок струга: рис. 5, 12 (Синюк и др. 2004: 175), однако на рис.5 нет позиции 12. Здесь оставлено пустое место – явно технический брак. Рисунок второго орудия в публикации не предполагался.

¹⁹ Обработка коллекции костяных орудий Ильичевского поселения, хранящейся в Донецком национальном университете, была проведена А.Н. Усачуком и В.Б. Панковским.

ный объект относится к жертвеннику, который Р.А. Мимоход включает в «чисто поселенческие комплексы со своей особой функциональной нагрузкой» (Мимоход 2000: 88). В вымостке, как показала работа с коллекцией костяных орудий Ильичевского поселения, хранящейся в Донецком национальном университете, присутствовал также струг из ребра лошади.

На поселении *срубной культуры* **Безыменное II**, Донецкая обл., Украина, в т.н. «северо-восточном святилище» под камнями восточной

части облицовки котлована были обнаружены амулет из зуба лошади и 4 «конька», сложенные попарно (вероятно, были связаны). При этом на одной паре следов сработанности не было, а на второй они имелись. По мнению авторов публикации, «коньки» являлись строительной жертвой (Горбов, Мимоход 1999: 33-34).

На том же поселении в т.н. «южном святилище» среди камней, облицовывавших стенки котлована, находились в двух разных местах 2 «конька» (Горбов, Мимоход 1999: 37).

V. КОМПЛЕКСЫ С КОСТЯНЫМИ ЛОЩИЛАМИ

Трасологически определенное костяное лощило было обнаружено в *катакомбном* захоронении из **Филатовки**, 12/2, Крым, Украина (Ляшко 1990: 56). Умерший (мужчина) сопровождался разнообразным инвентарем (Бессонова и др. 1984: 65–68) (см. Табл. 1). Помимо коженого лошिला (Бессонова и др. 1984, рис. 21, 2) в погребении были еще 4 орудия, названные в публикации костяными. Судя по морфологии, они изготовлены из рога и являются отжимниками. На наш взгляд, С.Н. Санжаров справедливо включил филатовский комплекс в сводку захоронений мастеров-стрелоделов (Санжаров 2008: 7, 21)²⁰.

В погребении *кубанской группы*

финала средней бронзы могильника **Малаи II**, 1/6, Краснодарский край, Россия, выявлен набор костяных орудий (Сорокина 1987: рис. 49)²¹. Из них 3 или 4 типологически могут быть трактованы как лошिला для работы по коже (к сожалению, трасологическое исследование не проводилось).

Напомним, что костяные лошिला были найдены и в упомянутых выше жертвеннике из жилища 12 *срубного* поселения **Ильичевка**, постройке *срубного* поселения **Хорошилово** и зольнике *сабатиновской культуры*, исследованном близ с. **Новоселица**, где они кореллировались с другими орудиями для обработки кожи.

VI. КОМПЛЕКСЫ С КОМБИНИРОВАННЫМИ ОРУДИЯМИ, ИСПОЛЬЗОВАВШИМИСЯ И КАК СКРЕБКИ, И КАК ЛОЩИЛА

В *катакомбном* погребении из **Новых Раскаец**, 1/12, р-н Штефан-Вода, Молдова, присутствовал скребок-лошिला, изготовленный из

клыка кабана. Здесь же были каменный проушной топор и кремневый скребок (Яровой 1990: 19–20).

Напомним, что комбинирован-

²⁰ Заодно снимается и кажущаяся особенность филатовского комплекса – единственного, где отжимники якобы сделаны из трубчатых костей (Санжаров 2008: 47).

²¹ У И.А. Сорокиной это погребение проходит как относящееся к *срубной культуре*. Более раннюю его датировку и отнесение к *кубанской группе* аргументировано предлагает Р.А. Мимоход. Он же и обратил наше внимание на это погребение.

ные орудия (скребок-разминальник и скребок-лощило) присутствовали в упоминавшемся выше

зольнике *сабашиновской культуры*, исследованном близ с. Новоселица.

VII. КОМПЛЕКСЫ С КРЕМНЕВЫМИ СКРЕБКАМИ И ДРУГИМИ КРЕМНЕВЫМИ ОРУДИЯМИ

Данные изделия, определенные трасологически, выявлены в ряде погребений *ямной культуры*:

1. Красное, 9/19, Григориопольский р-н, Молдова. В захоронении мужчины найден кремневый скребок. Другой инвентарь – каменный растиральник-отбойник, кремневый отщеп (Серова, Яровой 1987: 72–73; Иванова 2001: 42);

2. Алкалия, 5/14, Одесская обл., Украина. В захоронении был кремневый скребок (Субботин 2003: 48). Другой инвентарь отсутствовал;

3. Желтый Яр, 1/22, Одесская обл., Украина. В погребении обнаружен кремневый скребок (Иванова 2001: 42; Субботин 2003: 48). Другой инвентарь отсутствовал²²;

4. Павловск, 1/1, Воронежская обл., Россия. В женском захоронении найден кремневый скребок, являвшийся единственной категорией инвентаря (Синюк 1983: 36–37; Килейников 2009: 96);

5. Павловск, 31/5, Воронежская

обл., Россия. Костяк мужчины сопровождал кремневый скребок и серия кремневых, кварцитовых, бронзовых и иных предметов (Синюк 1983: 26–27; Килейников 2009: 97) (см. Табл. 1);

6. Власовка I, 4/2, Воронежская обл., Россия. В комплексе присутствовал кремневый скребок²³ (Килейников 2009: 97).

Изученные трасологически изделия этого блока присутствовали и в *катакомбном* погребении из *Тельмана*, 1/9, Луганская обл., Украина. Здесь выявлены кремневый скребок для обработки кожи и вдобавок – 2 кремневых ножа для раскройки кожи, костяная игла и бронзовое шило (Выборный 1989: 98–100).

Трасологически определенным кремневый скребок для обработки кожи был обнаружен в насыпи кургана 41 доно-волжской *абашевской культуры* могильника Подклетное, Воронежская обл., Россия (Килейников 2009: 98).

VIII. КОМПЛЕКС С КВАРЦИТОВЫМ СКРЕБКОМ

В захоронении *ямной культуры* из Павловска, 5/2, Воронежская обл., Россия, обнаружен трасологически определенный концебовой скребок на обломке пластины, слу-

живший для работы по коже. Другой инвентарь представлен трапециевидным кремневым вкладышем и фрагментом сосуда (Синюк 1983: 98; Килейников 2009: 96).

IX. КОМПЛЕКСЫ С КАМЕННЫМИ ЛОЩИЛАМИ

В погребении *усатовской культуры* из Пуркар, 3/1, р-н Штефан-Вода, Молдова, выявлены каменное лощило для обработки кожи, а также бронзовое шило. Умерший был

взрослым (Яровой 1990: 104–108).

Каменное лощило для шкур было также в *ямном* захоронении из Алкалии, 5/8, Одесская обл., Украина (Иванова 2001: 43; Субботин

²² О комплексах из Алкалии и Желтого Яра – любезная информация С.В. Ивановой.

²³ Другой информацией о комплексе мы не располагаем.

2003: 79). В могиле взрослого помимо каменного ложила (в публикации назван «оселком», поскольку на тот момент авторы не располагали данными трасологии) имелся и другой инвентарь (Иванова, Цимиданов 1998: 156) (см. Табл. 1).

На упомянутом выше поселении *елунинской культуры* Березовая Лука, Алтай, Россия, в юго-восточном углу раскопа 1 была обнаруже-

на яма, в которой лежали 12 каменных орудий (Кирюшин и др. 2005: 101–107). Некоторые изделия из этого «производственного клада» трасологически определены как ложила по коже (Волков 2005: 225–226). Обращаем внимание на одно из орудий (Кирюшин и др. 2005: рис. 49), которое являлось полифункциональным: использовалось как ложила, наковаленка и пест (Волков 2005: 226).

Х. КОМПЛЕКСЫ С КЕРАМИЧЕСКИМ ЛОЖИЛОМ-СКРЕБКОМ

В погребении *срубной культуры* из Волновахи, П/З, Донецкая обл., Украина, рядом с остатками трупосожжения был найден фрагмент керамики с затертыми краями (Клименко 1998: 52, 53, рис. 17, 8). На основании трасологического анализа, проведенного А.Н. Усачуком, изделие можно отнести к ложилам-скребкам для обработки кожи.

На поселении *раннесрубной культуры* Раздольное, Донецкая обл., Украина, в жертвенной яме раскопа IV было найдено ложило для кожи, сделанное из фрагмента керамики (трасологически обработано А.Н. Усачуком). В жертвеннике помимо ложила присутствовали обломки КЖ, в т.ч. правая половина нижней челюсти, левая лопатка (под ней и лежал интересующий нас артефакт), кости запястья лошади. В засыпке ямы встречались мелкие фрагменты пережженных костей животных и угольки (Горбов, Усачук 2001б: 164, рис. 7, 2, 166).

Обобщая собранные материалы, можно сделать некоторые наблюдения.

1. Орудия кожевенного производства встречаются в погребальных и/или поселенческих комплексах большинства культур бронзового века степной и лесостепной Евразии, что говорит о высоком семиотическом статусе данных предметов и сакральности кожевенного

производства в рассматриваемую эпоху.

2. В ямной культуре наиболее семантически значимыми из инструментов для обработки кожи являлись кремневые орудия. Возможно, это порождено тем, что у носителей данной культуры кожа обрабатывалась преимущественно с помощью орудий из данного сырья. Нельзя, однако, исключать того, что отмеченная закономерность была предопределена сакральностью кремня у ямного населения.

3. В культурах финала средней бронзы и поздней бронзы наиболее знаковыми из кожевенных орудий были тупики двух типов: а) из тазовых костей животных; б) из нижних челюстей животных (ср. Усачук 2005: 187). Применительно к последним можно допустить, что их высокая знаковость была в немалой степени обусловлена сырьем, из которого они изготовлены: тупики данного типа могли рассматриваться одновременно и как орудия кожевенного производства, и как фрагменты нижних челюстей (Усачук 1996б: 70–71; Изотова 2006: 161). Сакральность же нижних челюстей животных фиксируется их частым присутствием в культовых комплексах поселений бронзового века (см., например: Ромашко 1993: 84; Горбов, Усачук 2001а: 25; 2001б: 166; Черных 2002: 105; Изотова

2006: 161; Асафьев, Лопатин 2009: 23; др. работы). Попутно стоит отметить, что и нижние челюсти человека имели высокий семиотический статус (Усачук и др. 2010: 197–198). Ситуация с тупиками из тазовых костей – принципиально иная. В культурах, предшествовавших срубной, ритуальное использование данных костей (точнее, соответствующей части туши животного) практически неизвестно. В культовых комплексах присутствуют чаще всего черепа и кости конечностей. Знаковость задней части туши хорошо проявляется в материалах срубной культуры (Цимиданов 2004: 50), но тупики из тазовых костей в ней встречаются редко. Словом, можно считать, что тупики рассматриваемого типа являлись сакральными сами по себе, а вовсе не в силу высокой знаковой нагрузки сырья, пошедшего на их изготовление.

4. Культ коженных орудий в одних культурах проявлялся больше, в других – меньше. Так, судя по нашим данным, наибольшие масштабы он приобрел в срубной культуре. Носители долинской культуры также широко использовали коженный инструментарий в неупотребительной сфере – в погребальном обряде. Поразительно, но синхронная Лоле бабинская культура (бывшая КМК) ничего подобного не демонстрирует (Подобед и др. 2011: 286). Крайне слабо проявляется рассматриваемый культ и в сабатиновской культуре. Несмотря на большое количество проработанных публикаций, нам удалось найти лишь немного бесспорных фактов присутствия коженных орудий в культовых комплексах этой культуры. Наиболее яркий пример такого комплекса – Новоселицкий зольник, причем, в нем не было выявлено тупиков. Сомнения относительно Новогригорьевского «зольника» озвучены выше. Правда, С.Н. Ляшко

пишет о том, что коженные орудия встречаются в ямах и очагах сабатиновских жилищ (Ляшко 1990: 56), но, к сожалению, соответствующие комплексы не опубликованы. Незначительные масштабы ритуального использования коженных орудий демонстрируют также белозерская и кизил-кобинская культуры. Первая из них относится к финалу бронзы, вторая – к концу бронзового века и раннему железу. Отсюда можно допустить, что в степях Восточной Европы к концу бронзового века верования, связанные с коженным инструментарием, постепенно уходили в небытие.

5. Лица, погребавшиеся с коженными орудиями, в подавляющем большинстве были взрослыми, причем лишь раз их пол определен как женский (Нуртай, 6/2). Первое вполне понятно, ибо обработка кожи – занятие, тяжелое физически, и, следовательно, дети или подростки едва ли принимали в ней участие. Второе, вероятно, свидетельствует о том, что в обществах бронзового века коженниками являлись преимущественно мужчины, как это было в более поздние времена у славян (Зеленин 1991: 215, рис. 104, 106; Горленко 1999: 297) и ряда других народов Европы. В то же время, у скотоводов и охотников данным производством нередко занимались почти исключительно женщины. Это имело место, например, у бурят (Вяткина 1956: рис. на с. 229, 2; Жамбалова 1991: 39), алтайцев (Потапов 1956а: рис. на с. 337), тувинцев (Потапов 1956б: 436), чукоч (Богораз 1991: 149–155), коряков, эвенов (ламутов) (Линденау 1983: 62–63, 112), ительменов (камчадалов) (Крашенинников 1949: 384), ногайцев (Гаджиева 1976: 87), туарегов (Лот 1989: 167–168), индейцев прерий (Аверкиева 1974: 262).

6. В погребениях коженные ору-

дия нередко коррелируются с бронзовыми шильями и костяными проколками (9 комплексов). Наиболее яркий случай – захоронение из Красносамарского I, 1/2, где шило лежало под тупиком. Очевидно, в этом и других случаях мы имеем дело с устоявшимся «текстом» «кожевенное орудие + шило», который кодировал понятие «кожевенное производство» и, вместе с тем, маркировал причастность умершего к данному занятию. Показательно, что рассматриваемое ремесло здесь предстает в его неразделенном на отдельные производственные процессы виде.

7. В некоторых случаях захоронения с кожевенными орудиями содержали инсигнии власти – сверленный топор (Новые Раскаецы, 1/12) и булавы (Филатовка, 12/2; Селезней-2, 1/1). Какая связь существовала между властной функцией и кожевенным производством в катакомбных культурах и доно-волжской абашевской культуре, мы пока судить не беремся.

8. Есть серия погребальных комплексов, где кожевенные орудия коррелировались с инструментарием принципиально иных ремесел. Так, в комплексе из Филатовки, 12/2 были орудия, связанные с производством стрел, в погребении из Мамбеталов, к. 5 – пряслице, в погребении из Павловска, 31/5 – орудия для обработки дерева(?), в захоронении из Селезней-2, 1/1 – инструменты, связанные с ковкой металла. Добавим, что в захоронениях из Филатовки и Селезней присутствовали инсигнии власти. Это момент позволяет вспомнить идею А.Т. Синюка о том, что атрибуты ремесел в некоторых обществах маркировали «вождей-жрецов», которые стояли в общественной иерархии выше, чем военные лидеры (Синюк 1996: 10–11). Эти лица могли ассоциироваться с творцами Вселенной и восприниматься соплеменни-

ками в качестве гаранта стабильности социума (Цимиданов 2004: 81–82). Словом, нельзя исключать того, что люди, погребавшиеся с атрибуты разных ремесел, являлись неким аналогом «священных царей», воспетых Д.Д. Фрезером (1983) и В.Я. Проппом (1986: 332–339).

9. В погребениях лолинской, доно-волжской абашевской и петровской культур кожевенные орудия коррелировались со стрелами (вместе 3 случая), т.е. порой кожевенные орудия ассоциировались с воинским статусом. Что за этим стоит, сказать трудно. Поразительно, однако, то, что отмеченная ассоциация прошла сквозь века и проявилась в упоминавшемся выше летописном повествовании о схватке кожемяки с печенегом.

10. Орудия кожевенного производства широко использовались в ритуалах, совершавшихся на поселениях. При этом они часто выступали в качестве строительных жертв. К таковым можно относить артефакты, выявленные в кладках цоколей построек (Безыменное II, котлованы северо-восточного и южного святилищ) и ямах под полами построек (например, Николаевка, помещение 3; Безыменное II, помещение 24). Не менее часто кожевенные инструменты являлись т.н. «жертвами оставления жилищ». Сюда относятся изделия, найденные на полах построек (Моечное Озеро I, Преображенка I, Новоникольское I; др. памятники), и, особенно – в очагах (Николаевка, жилище 4). В ряде случаев рассматриваемые артефакты являлись дополнением к жертвоприношениям животных за пределами построек (Язево I, северо-западный участок; находки из «ложбинки» поселения Ирмень 1).

11. Поселенческие комплексы, как и погребальные, демонстрируют сочетание тупиков с костяными проколками (Николаевка, жилище

4; Струмок III, жилище 10, яма 106; др. памятники). Вероятно, здесь мы снова сталкиваемся с «текстом», выразившим понятие «кожевенное производство».

12. Кожевенные орудия, вероятно, ассоциировались с понятием «благополучие», о чем может свидетельствовать их корреляция с астрагалами (Безыменное II, помещение 24, яма 44; Уч-Баш, раскоп II, яма 16 (19); др. памятники). Связь астрагалов с представлениями о благополучии фиксируется этнографическими данными по осетинам (Чибиров 1976: 101, 104; Калоев 1993: 214) и многим другим народам.

13. Инструменты кожевников, похоже, использовались и в земледельческой обрядности. Это подтверждается их взаимовстречаемостью с «хлебцами» (Зимогорье, яма 1) и фрагментами зернотерок (например, Язево I; Новоселицкий зольник).

14. Корреляция кожевенных орудий с инструментарием других производств, демонстрируемая некоторыми захоронениями, проявляется и в поселенческих комплексах. Так, рассматриваемые орудия сочетались с пряслицами (Моечное Озеро I, постройка, Преображенка I, постройка I, Алексеевское, землянка 6; др. поселения), орудиями гончарства (Новоселицкий и Новогригорьевский зольники). Но более всего они встречаются с объектами, предметами и субстанциями, связанными с металлургией и металлообработкой (Пилипчатино, зольник; Червонэ Озеро-3, колодец из постройки 2; Макаровская Речка, постройка; др. поселения). На корреляцию орудий кожевенного производства с орудиями и следами металлургического и металлообрабатывающего производств уже обращалось внимание (Пряхин, Килейников 1986: 34; Изотова 2006: 159). Но что стоит за отмеченной

связью, пока не ясно.

15. Похоже, кожевенные орудия являлись медиаторами, позволявшими устанавливать связь с потусторонним миром. Об этом свидетельствует прежде всего «грабительская шахта» кургана Большой Дедуровский Мар²⁴. Здесь тупик найден в яме, вырытой в кургане, что уже само по себе выводит нас на представления о пути в иной мир. Но, более того, в «шахте» находились раковины, в некоторых контекстах связывавшиеся с миром мертвых (Цимиданов 2009: 64), чешуя и кости рыб, которые могут отражать идею переправы в потусторонний мир (Халяпин 1998: 68). Найденная в «шахте» подвеска из когтя крупной хищной птицы не менее показательна. В традициях многих народов (если не всех) хищные птицы, поскольку они разрывали и расклеивали трупы, ассоциировались со смертью и потусторонним миром. Вспомним в данной связи отношение к ворону (а шире – к хищным птицам) у русских (Носова 1999: 94–95, 155–156). Это, в частности, отразил А.С. Пушкин в «Капитанской дочке»²⁵. Показательны и мно-

²⁴ Напомним, что и во Втором Плясовском кургане два кожевенных орудия были найдены в пределах «древнего грабительского лаза» (Синюк и др. 2004: 170). Степень разрушения нескольких(?) погребений и смешение разнокультурных материалов говорят о том, что образование «лаза» связано именно с ограблением. С другой стороны, орудия кожевенного производства встречаются в курганах данной территории настолько редко, что шанс их попадания в грабительский лаз из разрушенных погребений является крайне ничтожным. Следовательно, более вероятным будет допустить, что древние грабители совершали какие-то ритуалы, в ходе которых использовались кожевенные орудия.

²⁵ Глава XI «Мятежная слобода», где Пугачев по пути в Белогорскую крепость рассказывает Гриневу знаменитую сказку-притчу о вороне и орле.

гочисленные варианты русской народной песни «Черный ворон», популярной на протяжении уже почти двух веков (Черный ворон .., б/г). Пример из иной культурной традиции: знаменитая поэма Эдгара По «Ворон» или известный вестерн «Золото Маккены», где звучит песня о грифе, олицетворяющем смерть. Птицы во многих религиозно-мифологических системах выступали и как переносчики из одного мира в другой. Это зафиксировано, например, в фольклоре иранских народов, где фигурирует птица Симург, живущая в подземном мире и выносящая оттуда героя (Жороглы 1983: 52-53). Птица предстает в качестве медиатора и в шаманизме многих народов (Басилов 1984: 99-101). Не исключено к тому же, что рассматриваемая «шахта» могла являться символом колодца, восприятие которого как входа в подземный мир красной нитью проходит через многие религиозные системы (см. например: Заколдованный замок 1992: 36; Афанасьев 1995б: 14, 19, 128, 132). Добавим, что орудия кожевенного производства выявлены в ряде колодцев на поселениях (Червонэ Озеро-3, постройка 2; Атамановка V, жилище; Черемуховый Куст(?) (Зах 1995: 14), др. поселения). Вспомним наконец яму, выявленную в постройке на поселении Макаровская Речка. М.А. Изотовой удалось убедительно доказать, что в данном случае мы сталкиваемся с объектом, где производились жертвоприношения обитателям потустороннего мира (Изотова 2000: 122; 2006: 160-161).

16. Тупики кореллируются с наконечниками стрел (Новоселовка I, котлован I; Николаевка, жилище 4; др. памятники). Выше мы писали о том, что в погребениях лолинской, доно-волжской абашевской и петровской культур текст «тупик + стрелы» может указывать на связь

части кожевников с военной функцией. Но, на наш взгляд, семантика данного текста в поселенческих комплексах могла быть иной. По крайней мере, это следует констатировать применительно к срубным поселениям западной территории общности. Здесь в срубных социумах не было статусной группы воинов (Цимиданов 2004: 92), откуда маловероятно, что тамошние культовые комплексы «воспевали» военную функцию. Рассматривая семантику присутствовавших в них наконечников стрел, стоит обратить внимание на то, что стрела в древних традициях чаще всего выступала в двух «ипостасях»:

а) как фаллический символ и, соответственно, предмет, связанный с культом плодородия (Трессидер 1999: 360; Куклев, Гайдук 2000: 469; Черемисин 2002: 93; Дзицойты 2003: 48; Дзиговский, Островерхов 2010: 148);

б) как медиатор – средство переправы в иной мир, что отражают, например, повествования нартовского эпоса осетин (Дюмезиль 1990: 17; Дзицойты 2003: 92, 93) и древнегреческие сказания (Бонгард-Левин, Грантовский 1983: 97). В данной связи стоит вспомнить головной убор из знаменитого сакского кургана Иссык. К нему были прикреплены модели стрел и крыльев (Акишев 1978: рис. 62), что ярко отражает связь стрелы с представлениями о полете. Таким образом, у древних народов Евразии стрела рассматривалась как «транспортное» средство, позволяющее переноситься в потусторонний мир. Судя по некоторым орнаментам на сосудах, подобные представления существовали и у носителей срубной культуры (Отрощенко 1998: 93, 95). Таким образом, текст «тупик + стрела» мог в поселенческих культовых комплексах отражать представления о плодородии или служить

«ключом», открывающим «вход» в иной мир.

17. Любопытно присутствие тупика во рву поселения Камышеватая-ХIV. В.Н. Горбов трактовал данный ров как геоглиф, изображающий змея (Горбов 2005: 3–5; Горбов, Кабанова 2010: 89). Конечно, нельзя исключать того, что данная гипотеза – лишь плод фантазии исследователя. Но, если мы допустим, что гипотеза В.Н. Горбова верна, то получим «текст» «кожевенное ремесло + змей», который найдет тождество в повествовании о кожемяке-змеборце славянского фольклора.

Итак, у населения степной и лесостепной Евразии эпохи бронзы орудия кожевенного производства весьма широко использовались в ритуальной сфере. То, что этнографы нового и новейшего времени практически не фиксировали этого, а в фольклоре герои-кожевники – большая редкость, может быть объяснено, на наш взгляд, следующим. Во многих земледельческих обществах эпохи железа, особенно, в той или иной степени урбанизированных, ремесло кожевника утратило престижность, более того, стало рассматривалось как «нечистое». Это имело место, в частности, в государствах Древнего Востока (Кожевник... 1994; Комментарий... Б/г: Деян. 10, 17–33). Показательно, в частности, отношение к кожевникам в фольклоре Ирана. Один из текстов повествует о том, как царь Джемшид обучал людей ремеслам. Среди последних прежде всего названы производство железа, ткачество и портняжное дело, но – не обработка кожи (Короглы 1983: 63–64).

В Древней Индии кожевники относились к «неприкасаемым», т.е. людям, бывшим вне варн. В эпоху средневековья ситуация, правда, стала меняться. В гуджаратской хронике XVIII в. кожевники уже не считаются «нечистыми», но, вмес-

те с тем, в списке профессий (построенном по степени уменьшения почетности) стоят на последнем месте после ювелиров, кузнецов, ткачей, маслоделов, плотников, портных и красильщиков (Ашрафян 1986: 204). По данным на 1960-е годы, в индийской деревне Каринпур в общественной иерархии кожевники стояли ниже всех прочих ремесленников, хотя и чуть выше, чем мусорщики, ассенизаторы, нищие и прочие представители «неприкасаемых» (Куценков 1983: 108). В деревне Мохана ситуация была аналогична: среди всех ремесленников кожевники находились на предпоследнем месте – перед плетельщиками корзин (Куценков 1983: 112). У населения Средней Азии обработка кожи также считалась «низкой», «непочетной», «презренной» профессией (Снесарев 1969: 164). Причиной того, что эта и некоторые другие специальности причислялись к «низким», коренилась в зороастрийской концепции нечистоты, в соответствии с которой все люди, которые имели дело с трупами людей и животных, а также тем, что было отторгнуто от живого организма²⁶, считались грешниками (Снесарев 1973: 135). Таким образом, именно непрестижность ремесла кожевников в обществах Востока могла привести к тому, что в сказках иранских народов герои-кожевники, несомненно, являвшиеся положительными персонажами в фольклоре бронзового века, были вытеснены другими мастерами.

Вместе с тем, пренебрежительное отношение к ремеслу кожевника не было в «поздних» обществах явлением универсальным. В частности, у туарегов обработкой кожи и изготовлением изделий из нее занимались женщины благородной касты

²⁶ В нашем случае – кожа.

имрадов. Престижность кожевенного производства в данном обществе была предопределена тем, что в быту туарегов изделия из кож – тенты для палаток, одежда, бурдюки, разнообразные сумки, узды и т.п. играли огромную роль (Лот 1989: 167–168). У крымских татар кожевенное производство в XIX в. являлось одним из самых элитных (Обряды... Б/г)²⁷.

У славян Восточной Европы предвзятого отношения к кожевникам, похоже, также не было. Поэтому их фольклор и сохранил отголоски почитания героя-кожевника. Вместе с тем, в XIX в. ремесло кожевника у русских и украинцев отмирало. В данной связи показательны данные, сообщаемые В.И. Беловым. В перечне основных профессий, имевших «экономическое и эстетическое значение в жизни крестьянина» названы плотники (с них В.И. Белов начинает очерки), кузнецы, копатели колодцев, пастухи, мельники, столяры, сапожники, печники, гончары, лодочники, знахари и т.д., вплоть до нищих: «Бывала на Руси и такая профессия!» (Белов 1982: 36–55). О кожевниках сказано только в разделе «вспомогательных или второстепенных видов промысла и мастерства»: «Скорняки, или *кожевники*, судя по рассказам, и раньше встречались нечасто, а за последние полвека они совсем вывелись. Скорняжное дело между тем исполнялось кем попало и кое-

как» (Белов 1982: 56). Об упадке кожевенного производства на Украине рубежа XIX–XX вв. см.: (Вовк 1995: 73).

Обратим внимание также на последний роман А. и Б. Стругацких «Отягощенные злом, или сорок лет спустя», где к одному из действующих лиц – Демиургу обращаются: Гончар, Кузнец, Ильмаринен, Гу, Вишвакарман, Гефест, Птах, Ткач, Плотник, Мукуру, Учитель и т.д. (Стругацкий 2001: 636; Миры братьев ... 1999: 232), но ни один из перечисленных персонажей не связан с профессией кожевника.

Подводя итог нашему поиску, можно констатировать, что за внешне неброскими орудиями кожевенного производства бронзового века стоит очень богатая мифология, которая практически до нас не дошла. Накопление материалов по рассматриваемой тематике, несомненно, позволит обнаружить новые нюансы, связанные с ритуальным использованием кожевенного инструментария. Вместе с тем, оно позволит проверить правомерность высказанных нами предположений. В связи с этим очень актуальным является добротная публикация орудий кожевенного производства – с детальным описанием контекстов, в которых они находились, с хорошими рисунками и, по возможности – с трасологическими и археозоологическими определениями.

²⁷ Правда, стоит уточнить, что в данном случае имеется в виду производство кожаных изделий, а не первичная обработка кожи.

Литература

- Аверкиева Ю.Л. 1974. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М.
- Азбелев С. 1992. Русская народная проза // Народная проза. М.
- Акишев К.А. 1978. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.
- Алихова А.Е. 1958. Комаровское поселение у Моечного озера // МИА. №61.
- Антонов А.Л. 2010. Курганный могильник у села Лукашево // Музейний вісник. №10. Запоріжжя.
- Асафьев Н.К., Лопатин В.А. 2009. К вопросу о ритуальном характере комплекса срубного поселения Н. Красавка // XLI международная урало-поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Уфа.
- Афанасьев А.Н. 1995. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. М.
- Ашрафян К.З. 1986. Социальная мобильность и каста в средневековом городе Индии // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. М.
- Басилов В.Н. 1984. Избранники духов. М.
- Белов В. 1982. Лад. Очерки о народной эстетике. М.
- Березанская С.С. 1990. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. К.
- Березанська С.С., Ляшко С.М. 1989. Вивчення ремесла за виробничими комплексами з пам'яток доби бронзи // Археологія. № 3.
- Беспалый Е.И. 1983. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1983 году // Научный архив ИА РАН. Р-1. №№ 9887, 9887а.
- Бессонова С.С., Черных Л.А., Куприй С.А. 1984. Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. К.
- Богданов С.В. 1998. Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
- Богданов С.В. 2004. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург.
- Богораз В.Г. 1991. Материальная культура чукчей. М.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. 1983. От Скифии до Индии. М.
- Бочкарев В.С. 2006. Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб.
- Бровендер Ю.М., Загородняя О.Н. 2007. Исследования на Картамыше в 2007 году // Археологічні відкриття на сході України в 2007 р. Луганськ.
- Бровендер Ю.М., Загородняя О.Н. 2010. Раскопки поселения Червонэ Озеро-1 Картамышского комплекса горно-металлургических памятников эпохи бронзы в 2010 году // Археологічні відкриття на сході України в 2010 р. Луганськ.
- Бровендер Ю.М., Милица Г.Я., Отрощенко В.В., Литвиненко Р.А. 1992. Отчет о работах Центрально-Донецкой археологической экспедиции на территории Луганской области в 1992 году // Научный архив ИА НАНУ. № 1992/83.
- Бровендер Ю.М., Отрощенко В.В., Пряхін А.Д. 2010. Картамышский комплекс гірничо-металургійних пам'яток бронзового віку в Центральному Донбасі // Археологія. № 2.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф. 1988. Полтавкинские могильники у с. Красносамарское в лесостепном Заволжье // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.
- Вовк Х.К. 1995. Студії з української етнографії та антропології. К.
- Войнаровський В. 2007. Поховання чинбарів // Записки Наукового товариства імені Т. Шевченка. Праці Археологічної комісії. Т. ССLIII. Львів.
- Волков П.В., Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. 2005. Трасологические определения каменных изделий // Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. I. Барнаул.

- Выборный В.Ю.** 1989. Некоторые итоги исследования кургана у пос. Тельмана // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк.
- Вяткина К.В.** 1956. Буряты // Народы Сибири / Народы мира. Этнографические очерки. М., Л.
- Гаджиева С.Ш.** 1976. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М.
- Гольмстен В.В.** 1941. Река Маныч // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М., Л.
- Горбов В.Н.** 2005. Геоглиф змея в приазовской степи // Медицина в художних образах. Вип. 4. Донецк.
- Горбов В.Н., Кабанова Е.В.** 2010. Некоторые аспекты культовой практики населения эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья // Археологический альманах. № 21. Донецк.
- Горбов В.Н., Мимоход Р.А.** 1999. Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк.
- Горбов В.Н., Усачук А.Н.** 2000. Специализированный производственный комплекс на поселении бронзового века Безыменное-II // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк.
- Горбов В.Н., Усачук А.Н.** 2001а. Бондарихинское поселение предскифского времени и некоторые аспекты адаптации домостроительства к природным условиям // Донецкий археологический сборник. Вып. 9. Донецк.
- Горбов В.Н., Усачук А.Н.** 2001б. Раннесрубно-многоваликовский горизонт поселения Раздольное в Приазовье // Археологический альманах. №10. Донецк.
- Горбунов В.С.** 1989. Поселенческие памятники бронзового века в Лесостепном Приуралье. Куйбышев.
- Горленко В.** 1999. Чинбарство і кушнірство // Українці. Історико-етнографічна монографія у двох книгах. Кн. 1. Опішне.
- Гутков А.Н.** 1992. Отчет исследования поселения Атамановка V в 1991 г. Челябинск.
- Дзиговский А.Н., Острроверхов А.С.** 2010. «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом // Stratum plus. №3. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест.
- Дзицойты Ю.А.** 2003. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал.
- Дрябина Л.А., Скочина С.Н.** 2003. Орудийный набор святилища Велижаны 2 // Международное (XVI) Уральское археологическое совещание. Пермь.
- Дюмезиль Ж.** 1990. Скифы и нарты. М.
- Епимахов А.В.** 2005. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск.
- Жамбалова С.Г.** 1991. Традиционная охота бурят. Новосибирск.
- Заколдованный замок. Персидские сказки.** 1992. М.
- Зах В.А.** 1995. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск.
- Зеленин Д.К.** 1991. Восточнославянская этнография. М.
- Зданович Г.Б.** 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск.
- Иванова С.В.** 2001. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса.
- Иванова С.В., Цимиданов В.В.** 1998. Погребения с топорами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Вип. IV. Запоріжжя.
- Изотова М.А.** 2000. Ритуальные комплексы поселения эпохи поздней бронзы «Макаровская речка» // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж.
- Изотова М.А.** 2006. Поселение эпохи поздней бронзы Макаровская Речка // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8. Волгоград.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.** 2008. Могильник у поселения Бестамак (предварительная информация) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 9. Тюмень.
- Калоев Б.А.** 1983. Скотоводство народов Северного Кавказа. С древнейших времен до начала XX века. М.

- Килейников, В.В., 1985.** Хозяйство населения донской лесостепной срубной культуры (по данным экспериментально-трасологического анализа орудий труда): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Килейников В.В. 1988.** Ремесло и домашние производства у населения донской лесостепной срубной культуры // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.
- Килейников В.В. 1989.** Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.
- Килейников В.В. 1997.** Костяные орудия с рудника Червоно озеро Картамышского рудопоявления // Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета / Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 10. Воронеж.
- Килейников В.В. 1999.** Функциональный анализ орудий труда с поселений донской лесостепной срубной культуры // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж.
- Килейников В.В. 2001.** Функциональная оценка орудий труда с поселений донской лесостепной срубной культуры в бассейне р. Битюг // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. М-лы междунар. научн. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара.
- Килейников В.В. 2002.** Орудия труда с поселений донской лесостепной срубной культуры в Среднем Прихоперье // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж.
- Килейников В.В. 2009.** Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. 2005.** Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. I. Барнаул.
- Клименко В.Ф. 1998.** Курганы юга Донетчины. Енакиево.
- Клингель-Брандт Э. 1979.** Путешествие в древний Вавилон. М.
- Кожевник. 1994.** В. Вихлянцева. Библиейский словарь (историко-религиозный) // interpretive.ru.
- Комментарии на деяния апостолов. Б/г // www.bible.by.**
- Константинеску Л.Ф. 1987.** Производственные комплексы из погребений ямной культуры Донбасса // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк.
- Короглы Х.Г. 1983.** Взаимодействие эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М.
- Красильников К.И., Пробейголова, А.С. 2006.** Мастерская поздней бронзы по обработке шкур у с. Хорошилово Луганской области // АДУ – 2004-2005. К.
- Крашенинников С.П. 1949.** Описание земли Камчатки. М., Л.
- Кривцова-Гракова О.А. 1948.** Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник / Труды ГИМ. Вып. XVII. М.
- Кривцова-Гракова О.А. 1951.** Садчиковское поселение (Раскопки 1948 г.) // МИА. № 21.
- Кузьмина Е.Е. 1994.** Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.
- Кузьмина Е.Е. 2008.** Арии — путь на юг. М., СПб.
- Кузьмина Е.Е. 2010.** Предыстория Великого шелкового пути: Диалог культур Европа — Азия. М.
- Куклев Б., Гайдук Г. 2000.** Стрела // Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.
- Кунгурова Н.Ю. 2005.** Определение функций костяных орудий // Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. I. Барнаул.
- Курбатов А.В. 2004.** Кожевенное производство Твери XIII – XV вв. (по материалам археологических исследований 1993 – 1997 гг.). СПб.
- Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Калиева Ж.С. 2007.** Археологические исследования на поселении Талдысай // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда.
- Кущенков А.А. 1983.** Эволюция индийской касты. М.
- Легенди та перекази. 1985.** К.

- Линденау Я.И.** 1983. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан.
- Лопатин В.А.** 2002. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов.
- Лопатин В.А.** 2009. Исследования поселения Нижняя Красавка в 2008 году // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 9. Саратов.
- Лопатин В.А.** 2010. Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка-II (по материалам исследований 2007-2009 годов) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 8. Саратов.
- Лот А.** 1989. Туареги Ахаггара. М.
- Лысенко С.Д.** 1997. Ритуально-погребальный комплекс на могильнике Малополовецкое-3 // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Лысенко С.Д.** 1998. Результаты исследования могильника Малополовецкое-3 на Киевщине в 1993-1997 годах // "Trzcieniec" – system kulturowy czy interkulturowy process? Poznan.
- Лысенко С.Д., Лысенко С.С.** 2006. Новая находка серпа волго-уральской группы в Среднем Поднепровье // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб.
- Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Литвинова Л.В., Панковский В.Б.** 2007. Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2006 г. // АДУ-2005-2007 рр. К., Запоріжжя.
- Ляшко С.Н.** 1990. Обработка кожи в Северном Причерноморье в эпоху бронзы // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Ляшко С.Н.** 1994. Кожевенное производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине. К.
- Марина З.П.** 1995. Ямные погребения Левобережья Днепра с производственным инвентарем // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Масловский А.Н.** 2006. Археологические работы в Азове и Азовском районе в 2004 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов.
- Матвеев А.В.** 1993. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск.
- Матвеева Г.И., Колев Ю.И., Королев А.И.** Горно-металлургический комплекс бронзового века у с. Михайло-Овсянка на юге Самарской области (первые результаты и проблемы исследования) // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара.
- Мимоход Р.А.** 1996. Некоторые вопросы семиотической организации пространства жилища срубной культуры по материалам культовых комплексов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). М-лы международной конференции. Ч. II. Донецк.
- Мимоход Р.А.** 2000. Жертвенники на срубных поселениях: вопросы классификации, происхождения и культурной специфики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк.
- Мимоход Р.А.** 2007. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-Западного Прикаспия // РА. № 4.
- Мимоход Р.А.** 2010. Погребения финала средней бронзы в Волго-Урале и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецкий археологічний збірник. 2009/2010. № 13/14. Донецк.
- Миры братьев Стругацких.** Энциклопедия. Т. 1 (А – Л). М., СПб.
- Молодин В.И.** 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Китов Е.П., Купцова Л.Н., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.** 2009. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург.
- Народная проза.** 1992. М.
- Носова Г.А.** 1999. Традиционные обряды русских (крестины, похороны, поминки). М.

- Обряды и ритуалы крымских татар; одежда. Б/г // www.narodko.ru
- Озеров А.А., Беспалый Е.И. 1987. Погребения эпохи ранней бронзы близ г. Сальска (Ростовская обл.) // СА. № 3.
- Отрощенко В.В. 1998. Сюжет перевтілення у знаковій системі зрубної спільності // Археологический альманах. № 7. Донецк.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. 1993. // САИ. Вып. В1-10. Саратов.
- Панковський В.Б. 2003. Про призначення «зубчастих лопаток» // Археологія. № 3.
- Панковський В.Б. 2005. Деякі результати технологічного та функціонального аналізу кістяних знарядь Червоного Озера I // Проблеми гірничої археології (матеріали II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару). Алчевськ.
- Панковский В.Б. 2006. Коньки периода поздней бронзы как показатель культурогенеза // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. М-лы тематич. научн. конф. СПб.
- Панковський В.Б. 2007. Кістяна і рогова індустрія з поселення сабатинівської культури Новогригорівка // МДАСУ. Від неоліту до киммерійців. Вып. 7. Луганськ.
- Петерс Б.Г. 1986. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Подобед В.А., Усачук А., Цимиданов В.В. 2010. Псалии, «забытые» в оставленном доме (по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы) // Древности Сибири и Центральной Азии. №3 (15). Горно-Алтайск.
- Подобед В.А., Усачук А., Цимиданов В.В. 2011. Погребения с орудиями кожевенного производства в степных культурах эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Алматы.
- Подобед В.А., Цимиданов В.В. 2010. Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь) // Донецький археологічний збірник. 2009/2010. № 13/14. Донецьк.
- Полидович Ю.Б., Полидович Е.А. 1999. Прядение и ткачество в системе культуры народов Юго-Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей / Труды ГИМ. Вып. 109. М.
- Потапов Л.П. 1956а. Алтайцы // Народы Сибири / Народы мира. Этнографические очерки. М., Л.
- Потапов Л.П. 1956б. Тувинцы // Народы Сибири / Народы мира. Этнографические очерки. М., Л.
- Потемкина Т.М. 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.
- Привалова О.Я., Привалов А.И. 1987. Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Николаевка в Северном Приазовье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. К.
- Пробейголова А.С. Красильников К.И. 2010. Результаты исследований поселений конца эпохи бронзы на территории Луганской области в 2010 г. // Археологічні відкриття на сході України в 2010 р. Луганськ.
- Пропп В.Я. 1986. Исторические корни волшебной сказки. Л.
- Пряхин А.Д., Килейников В.В. 1986. Хозяйство жителей Мосоловского поселка эпохи поздней бронзы (по данным экспериментально-трасологического анализа орудий труда) // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. 1998. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж.
- Радзиевская В.Е. 1975. Раскопки в бассейне Северского Донца // АО 1974. М.
- Ромашко В.А. 1993. Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Рыков П.С. 1936. Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты // Известия Саратовского Нижневолжского Института Краеведения им. М. Горького. Саратов. Т. VII.

- Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. 2001.** Североустюртский очаг культуры эпохи палеометалла: проблемы, поиски и раскопки // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация.* М-лы междунар. научн. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара.
- Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. 2004.** Поселения эпохи палеометалла Северо-Восточного Прикаспия // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана.* Уральск. Вып. 3.
- Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. 2007.** Костяные псалии с поселения Токсабай. К вопросу о комплексе колесничих населения Устюрта в эпоху бронзы // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана.* №1. Уральск.
- Санжаров С.Н. 2008.** Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины. Луганск.
- Сапожникова Г.В., Секерская Е.П., Черниенко Ю.А. 1996.** Костяные орудия с поселения Струмок III // *Северо–Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век).* М-лы международной конференции. Ч. II. Донецк.
- Серова Н.Л., Яровой Е.В. 1987.** Григориопольские курганы. Кишинев.
- Синюк А.Т. 1983.** Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж.
- Синюк А.Т. 1996.** К социологической интерпретации некоторых погребений эпохи бронзы // *Дано-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи.* Воронеж.
- Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., Зацепин А.А. 2004.** Плясоватские курганы // *Археологические памятники бассейна Дона.* Воронеж.
- Синюк А.Т., Пряхин А.Д., Чекменев Ю.А. 2006.** Туровский культовый комплекс эпохи бронзы // *Археологические памятники Восточной Европы.* Вып. 12. Воронеж.
- Сорокина И.А. 1987.** Памятники срубной культуры Западного Предкавказья (по данным погребального обряда): Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. и.н. М. // *Научная библиотека МГУ.* 50д. № 5240-11-87.
- Снесарев Г.П. 1969.** Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.
- Снесарев Г.П. 1973.** Под небом Хорезма. М.
- Стругацкий Б. 2001.** Комментарии к пройденному // *Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: в 11-и тт. Т. 9.* Донецк, СПб.
- Субботин Л.В. 2003.** Орудия труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья // *Материалы по археологии Украины.* Вып. 1. Одесса.
- Сумцов Н.Ф. 1904.** Янь Усмошевец // *Энциклопедический словарь / Издатели: Брокгауз Ф.А., Ефронъ И.А. Т. XLIIa.* СПб.
- Татаринов С.И. 1977.** О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе // *СА.* № 4.
- Татаринов С.И. 1988.** Работы Артемовской экспедиции // *АО 1986.* М.
- Татаринов С.И., Федяев С.В. 1999.** Некоторые культовые предметы эпохи бронзы // *Проблемы истории и археологии Украины.* Харьков.
- Ткачев А.А. 2002.** Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень. Ч. I.
- Тощев Г.Н., Черняков И.Т. 1986.** Культовые зольники сабатиновской культуры // *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья.* К.
- Трессидер Д. 1999.** Словарь символов. М.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. 1994.** Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск.
- Усачук А.Н. 1996а.** Коллекция костяных изделий срубного поселения Безыменное-II // *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век).* М-лы междунар. конф. Ч. II. Донецк.
- Усачук А.Н. 1996б.** К вопросу о тупиках – орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века // *Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века.* Волгоград.

- Усачук А.Н. 1998. Костяные изделия кургана 1 могильника Селезни-2 (трасологический анализ) // Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж.
- Усачук А.Н. 2002. Костяные изделия курганных могильников Калмыкии (трасологический анализ) // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М., Элиста.
- Усачук А.Н. 2005. Каменноамбарские псалии (трасологический анализ) // Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск.
- Усачук А.Н. 2005-2009. Древнейшие псалии Среднего Поволжья и региональные особенности технологии изготовления подобных изделий // Stratum plus. №2. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест.
- Усачук А.Н., Подобед В.А., Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В. 2010. Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта города Донецка // Донецкий археологический сборник. №13/14. Донецк.
- Усачук А.Н., Полидович Ю.Б. 2006. Уникальные изображения животных на орудиях гончарного производства эпохи поздней бронзы // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 3. Донецк.
- Фрэзер Д.Д. 1983. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.
- Халяпин М.В. 1998. Курганы срубной культуры у с. Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург.
- Хлобыстин Л.П. 1976. Поселение Липовая Курья. Л.
- Хоркин Д.А. 1998. Ритуальный комплекс на поселении нижневолжских бронзолитейщиков у села Усть-Курдюм // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов-на-Дону.
- Цимиданов В.В. 1991. Отчет об исследованиях Краснолиманской археологической экспедиции у с. Новоселовка Краснолиманского района Донецкой области. 1990 г. // Научный архив ИА НАНУ. 1990/209.
- Цимиданов В.В. 1995. Гребни и орудия прядения в погребениях срубной культуры // Древности. Харьков.
- Цимиданов В.В. 1999. Веретено в обрядах населения срубной культуры // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей // Труды ГИМ. Вып.109. М.
- Цимиданов В.В. 2004. Социальная структура срубного общества. Донецк.
- Цимиданов В.В. 2009. Погребения с раковинами моллюсков в срубной культуре // Теория и практика археологических исследований. Барнаул.
- Черемисин Д.В. 2002. К интерпретации «эротических» сюжетов наскального искусства Центральной Азии // Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск.
- Черленок Е.А. 2010. Орнамент на сегментовидных и подпрямоугольных псалиях покровской и потаповской культуры // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург, Самара, Донецк.
- Черников С.С. 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. №88.
- Черный ворон (песня). Б/г // ru.wikipedia.org/wiki/.
- Черных Е. 1997. Каргалы. Забытый мир. М.
- Черных Е.Н. 2002. Древнейшее горно-металлургическое производство на границе Европы и Азии: Каргалинский центр // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (11).
- Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю. 2002а. Поздняя фаза: комплекс №1 // Каргалы, т. II: Горный — поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. М.
- Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю. 2002б. Поздняя фаза: комплекс №2 // Каргалы, т. II: Горный — поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. М.

- Чиби́ров Л.А. 1976.** Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали.
- Шахматов А. 1940.** «Повесть временных лет» и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы. Т. IV. М., Л.
- Шишлина Н.И., Матюхин А.Д., Цуцкин Е.В. 2002.** Исследование могильника Островной в Ики-Бурульском районе Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М., Элиста.
- Шульга П.И. 1998.** Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-I // Древности Алтая. № 3. Горно-Алтайск.
- Шульга П.И. 2008.** Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул.
- Яровой Е.В. 1990.** Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднепровья. Кишинев.

SUMMARY

In the Bronze Age a tanning craft was one of the well-developed crafts according to archaeological finds. The study of tanning production on materials of the Bronze Age steppe and forest steppe cultures focused mainly on a technology. The ritual aspect of the tanning craft and the semantics of related tools hardly attracted researchers' attention. The paper is aimed at filling in this gap.

Let's stipulate the criteria for the selection of sources. Sometimes in the literature there are funerary complexes regarded by scholars as burials of tanners. However, the authors tend to attribute these graves without any use-wear examinations or without any mention whether such examinations have been done. The same is true for some tools found at the settlements. In the author's view, this approach implies a risk to attribute some objects as tanner's tools whereas they are not. Therefore, we tried to select complexes for the analysis as strictly as possible. All the known finds were divided into a number of blocks depending on what kind of tool (tools) they included.

To sum up the paper it can be stated that behind the unpretentious appearance of the Bronze Age tanner's tools there is a very rich mythology that is almost forgotten so far. The collection of materials on the subject will undoubtedly reveal new nuances connected with the ritual use of tanning equipment. At the same time, it will check the validity of our assumptions. Therefore, a good-quality publication of tanner's tools, which should include a detailed description of the contexts of finds, with good drawings and with use-wear and archaeo-zoological analyses, is very desirable.

